

Красавица

Автор:

Скотт Вестерфельд

Красавица

Скотт Вестерфельд

Мятежная Мир Тэлли Янгблад Уродина #2

Преодолев все препятствия, Тэлли Янгблад все-таки стала красавицей. Теперь она живет с другими идеальными людьми в Нью-Красотауне, у нее самый классный парень, она безумно популярна и каждый день ее жизни похож на один большой бесконечный праздник! Однако, несмотря на это, Тэлли не покидает навязчивое чувство, что что-то не так, но она не может понять, что именно... Пока однажды не получает письмо, которое написала сама себе перед Операцией Красоты. Прочитав его, девушка вспоминает, какую цену все обитатели Нью-Красотауна заплатили за беззаботную жизнь - операция превратила их в марионеток, оставив церебральные микротравмы. Теперь Тэлли одна из немногих, кто знает жуткую правду, и готова испытать на себе лекарство, способное ликвидировать изменения в сознании. Но провести этот эксперимент будет не так уж просто, ведь чрезвычайники не собираются щадить никого из тех, кто обладает секретной информацией...

Скотт Вестерфельд

Красавица

Scott Westerfeld

PRETTIES

© Н. А. Сосновская, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть первая. Спящая красавица

Не забывайте: самые красивые вещи в мире – самые бесполезные.

Джон Рёскин. Камни Венеции, том 1

Преступница

Что надеть? – вот самый сложный вопрос, который приходилось решать каждый день.

В приглашении в особняк Валентино насчет дресс-кода было сказано «полуторжественный», и вот как раз приставка «полу-» выглядела загадочно. Это расплывчатое «полу-» вносило слишком большую неопределенность, совсем как ночь, на которую не назначено ни бала, ни вечеринки. Особенно тяжело в подобных случаях молодым людям. Для них «полуторжественный» дресс-код может означать как пиджак и галстук (правда, с определенными видами воротников можно обойтись и без галстука), так и «все белое и манжеты навывпуск», если дело происходит летом, а также всевозможные фраки, жилеты, сюртуки, килты или ну очень стильные пуловеры. Правда, если подумать, девушкам такая формулировка тоже покоя не сулила. Последствия могли быть прямо-таки взрывными – впрочем, в Нью-Красотауне любая формулировка приглашения означала безумную суету вечерних сборов. Тэлли больше нравились торжественные балы, на которые полагалось являться в строгих вечерних нарядах, – так называемые белогалстучные или черногалстучные. Да, в таком виде чувствуешь себя не очень-то вольготно, так что и веселье на балу не разгорится до тех пор, пока все не напьются, зато нет нужды ломать голову над тем, что же все-таки надеть.

– Полуторжественный стиль, полуторжественный... – твердила Тэлли, вновь и вновь обшаривая взглядом свою необъятную гардеробную.

Стойки с одеждой выезжали вперед и убирались внутрь, едва поспевая выполнять команды глазной «мыши» Тэлли, наряды бешено раскачивались на плечиках. Какое все-таки мерзкое словечко с этим «полу-»...

– Да и слово ли это вообще? – проговорила Тэлли вслух. – Полу...

Словечко оставило гадкий привкус во рту, и так пересохшем после вчерашнего возлияния.

– «Полу-» – это всего лишь половина целого, – с апломбом пояснила комната.

– Математика... – отмахнулась Тэлли.

Тут ее накрыл приступ головокружения, Тэлли плюхнулась на кровать и уставилась в потолок. «Это нечестно, – капризно думала она. – Почему я должна ломать голову над какой-то дурацкой половинкой слова?».

– Да пропади оно пропадом! – сказала она вслух. Комната поняла хозяйку буквально. Стойки с одеждой втянулись внутрь, и стена-панель закрыла гардеробную. У Тэлли не было сил объяснять, что она имела в виду похмелье, которое прочно обосновалось у нее в голове, будто перекормленный котяра – мрачный, своенравный и не желающий сдвинуться с места.

Вчера ночью Тэлли с Перисом и компанией других «кримов» каталась на коньках – они опробовали новый аэрокаток над стадионом Нефертити. Ледяная пластина, парящая в воздухе благодаря магнитной решетке, была такой тонкой, что просвечивала насквозь. Над ее прозрачностью трудилась стайка маленьких машинок, снующих между конькобежцами, будто пугливые жуки-водомерки. Фейерверк, взлетающий над стадионом, превращал аэрокаток в этакий шизоидный витраж, беспрестанно меняющий цвет.

Всем пришлось надеть спасательные куртки на тот случай, если кто-то провалится. Конечно, такого еще ни разу не случалось, но Тэлли все равно страшно нервничала – ей не давала покоя мысль о том, что мир может в любой

момент разлететься вдребезги. Чтобы прогнать страх, она заливала в себя все новые и новые порции шампанского. Потом Зейн – он среди «кримов» был вроде главаря – заскучал и выплеснул на лед целую бутылку. У алкоголя температура замерзания ниже, чем у воды, и теперь кто-нибудь непременно провалится в дыру прямо на фейерверк, заявил он. Лучше бы Зейн не одну бутылку вылил – тогда у Тэлли с утра не так жутко раскалывалась бы голова.

Комната издала особый звон, означавший, что Тэлли вызывает другой «крим».

– Алло.

– Алло, Тэлли.

– Шэй-ла! – Тэлли с трудом приподнялась и подперла голову ладонью. – Мне нужна помощь!

– Ты насчет сегодняшней вечеринки? Знаю.

– Ты воображаешь, что такое одеться полуторжественно?

Шэй рассмеялась.

– Тэлли-ва, какая ты глупая! Ты разве не слышала сообщение?

– Какое сообщение?

– Его передали несколько часов назад.

Кольцо-интерфейс Тэлли лежало на столике около кровати. Она всегда снимала его на ночь – по привычке, оставшейся с тех самых пор, когда она была неугомонной уродкой и ночами частенько отправлялась на вылазки. Теперь она заметила, что колечко едва заметно пульсирует. Звук на время сна Тэлли приглушила.

– Ой. А я только что проснулась.

– Так что забудь про всякие «полу-». Все изменилось. Дресс-код другой. Теперь это маскарадные костюмы, вот!

Тэлли спросила, который час. Комната сообщила ей, что сейчас почти пять вечера.

– Что? Через три часа? В маскарадных костюмах?

– Ага, я тебя понимаю. Я и сама по стенкам бегаю.

– Жуть просто. Можно я к тебе зайду?

– Валяй.

– В пять?

– Да. Принеси завтрак. Пока.

Тэлли опустила голову на подушку. Кровать под ней кружилась, как скайборд. День только начался, а уже катился к концу.

Она надела на палец кольцо-интерфейс и сердито выслушала сообщение. Оказалось, и правда – сегодня на вечеринку будут пускать только в сногшибательных маскарадных костюмах, и никак иначе. Все, кто услышал сообщение вовремя, уже давно взялись за дело, а у Тэлли осталось всего три часа, чтобы подготовить потрясный наряд.

Порой ей казалось, что быть настоящей преступницей намного, намного проще.

Вместе с Шэй прибыл завтрак: две порции омлета с лобстерами, тосты, тушеные овощи, кукурузные оладьи, виноград, шоколадные кексы и две «красавые Мэри». Таковую уйму еды вряд ли смогла бы нейтрализовать целая упаковка сжигателя калорий. Перегруженный поднос подрагивал в воздухе. Магнитные подъемники трепетали, как новичок в первый школьный день.

- Ой, Шэй... Мы же с тобой раздуемся, как дирижабли!

Шэй хихикнула.

- Да не бойся ты, не раздуемся! Я как услышала, какой у тебя замогильный голосочек, так и решила, что тебя нужно поддержать. Ты сегодня должна выглядеть на все сто. Все «кримы» явятся, чтобы принять тебя в свои ряды.

- Угу, на все сто... - вздохнула Тэлли и взяла с подноса стакан с «кровоавой Мэри». - Соли маловато, - нахмурилась она, отпив глоток.

- Нет проблем, - беспечно проговорила Шэй, соскребла ложечкой с омлета украшение из черной икры и размешала икру в стакане с коктейлем.

- Фу, какая гадость!

- Да брось, икра хороша с чем угодно.

Шэй набрала еще ложечку икры и, блаженно жмурясь, принялась пережевывать крошечные рыьи яйца. Она покрутила на пальце кольцо - зазвучала музычка.

Тэлли отпила еще немного «кровоавой Мэри», и комната перестала кружиться. И на том спасибо. Шоколадные кексики оказались совсем недурны на вкус. Покончив с ними, Тэлли приступила к тушеным овощам, потом съела омлет и даже смогла заставить себя попробовать икру. За завтраком на Тэлли всегда нападал жор. Она словно наверстывала то, что упустила, пока жила за пределами города. Плотный и разнообразный завтрак дарил ей ощущение благополучия, буря городских вкусов стирала из ее памяти те несколько месяцев, на протяжении которых она ела только жаркое и «СпагБол».

Музыка была какая-то новая, раньше не слышанная, и от нее сердце Тэлли забилося увереннее.

- Спасибо, Шэй-ла. Ты просто спасла мне жизнь.

- На здоровье, Тэлли-ва.

- Кстати, а где ты была вчера ночью?

Шэй проказливо улыбнулась и ничего не ответила.

- Что? Новый парень?

Шэй, закатив глаза, покачала головой.

- Неужели опять пластика? - спросила Тэлли, и Шэй хихикнула. - Я угадала? Пирсинг небось? Но ведь нельзя же это делать чаще чем раз в неделю! Что, так невтерпеж было?

- Да все нормально, Тэлли-ва. Я только самую капельку...

- А где?

На лице Шэй не было заметно никаких изменений. Может быть, пирсинг скрывается где-то под пижамой?

- Смотри лучше.

Шэй выразительно взмахнула длинными ресницами. Тэлли наклонилась, всмотрелась в прекрасные глаза подруги - огромные, блестящие, украшенные драгоценным напылением, - и ее сердце забилось еще чаще. Тэлли уже месяц жила в Нью-Красотауне, а ее до сих пор приводили в восторг глаза красавцев и красоток - такие большие, доброжелательные, горящие неподдельным интересом. Громадные зрачки Шэй словно бы задумчиво нашептывали: «Я очарована тобой, я ловлю каждое твое слово...». Казалось, для обладательницы этих глаз свет клином сошелся на Тэлли и никого в целом мире больше не существовало.

Особенно странно было ощущать эту магию именно в Шэй, ведь Тэлли знала ее еще до операции, когда они обе были уродками.

- Наклонись поближе, - сказала подруга.

Тэлли постаралась дышать ровнее – комната опять закружилась, хотя теперь это было скорее приятно. Тэлли жестом велела окнам увеличить прозрачность, и солнечный свет позволил ей увидеть то, что имела в виду Шэй.

– У-у, красотища!

На фоне изумрудной радужки ярче драгоценного напыления мягко поблескивали двенадцать рубинов.

– Круто, правда? – улыбнулась Шэй.

– Ага. Погоди-ка... Те, что внизу и чуть слева, другие, да?

Тэлли прищурилась. Один камешек и в том, и в другом глазу словно бы мерцал, будто крошечная белая свечка в медных глубинах.

– Пять часов! – радостно объяснила Шэй. – Понимаешь?

Тэлли пару секунд вспоминала, как определяют время по большим башенным часам в центре города.

– Да, но... это же семь. Пять – должно быть внизу, но правее.

Шэй фыркнула.

– А мои часы ходят типа задом наперед, глупышка! По-правильному – это же такая скучотища!

Тэлли едва не прыснула со смеху.

– Постой. У тебя в глазах – драгоценные камешки. И они показывают время. И к тому же эти часики идут наоборот. Тебе не кажется, что это все-таки малость чересчур, а, Шэй?

Тэлли сразу пожалела о сказанном. Лучистая улыбка Шэй угасла, глаза потухли, на лице отразилось неподдельное горе. Того и гляди расплачется, благо

красоткам можно рыдать сколько влезет, не опасаясь, что глаза покраснеют или сопли потекут. Новые украшения – тема деликатная, почти как новая прическа.

– Тебе они совсем-совсем не нравятся, – с мягким упреком заявила Шэй.

– Да нет, что ты! Я же сказала, красотища необыкновенная!

– Правда?

– Клянусь. И очень круто, что часики идут наоборот.

Шэй снова заулыбалась, а Тэлли облегченно вздохнула. И как можно было такое ляпнуть? Это простительно, когда тебе только-только сделали операцию, но ведь Тэлли-то уже целый месяц ходила в красотках. Ну и растяпа! Отчебучь она сегодня вечером что-нибудь в таком духе, и чего доброго, какой-нибудь «крим» проголосует против нее. А одного-единственного голоса достаточно, чтобы тебя не приняли.

А если Тэлли не примут в «кримы», она останется совсем одна. Это все равно что снова сбежать из города...

Шэй задумчиво проговорила:

– Может быть, в честь моих новеньких глазок нам с тобой стоит нарядиться часовыми башнями?

Тэлли рассмеялась: неуклюжая попытка пошутить означала, что подруга простила ее. В конце концов, они через многое прошли вместе.

– Ты говорила с Перисом и Фаусто?

Шэй кивнула.

– Они заявили, что нам всем надо нарядиться преступниками. Идея у них уже есть, но они держат ее в секрете.

– Задаваки несчастные. Только и знают, что строить из себя крутых плохих парней. Подумаешь, удирали из интернатов, пока были уродами, ну, может, раз-другой через реку тайком перебрались. Да они Дыма и близко не нюхали!

Тут песенка как раз закончилась и последние слова прозвучали в неожиданно наступившей тишине. Тэлли лихорадочно пыталась придумать, что еще сказать, но разговор угас, как фейерверк в темном ночном небе. А следующая песня что-то слишком долго не начиналась...

Наконец музыка снова зазвучала и Тэлли с облегчением проговорила:

– Мы с тобой запросто сообразим, как нарядиться преступницами, Шэй-ла. Такой преступной истории, как у нас с тобой, нет ни у кого в городе.

Шэй и Тэлли битых два часа примеряли костюмы, пачками вылетавшие из стенной ниши. Хотели было нарядиться разбойницами, но передумали, потому что в старинных фильмах разбойники совсем не походили на «кримов» и вид имели весьма потрепанный. Пиратские костюмы подошли бы больше, но Шэй ни за что не желала закрывать черной повязкой один из своих обновленных глаз. Была идея одеться охотниками, но охотникам полагались ружья, пусть и бутафорские, а это было совершенно исключено. Тэлли пришла мысль насчет знаменитых диктаторов прошлого, но, как выяснилось, большинство из них были мужчинами и вдобавок ничего не понимали в моде.

– А может, ржавниками нарядиться? – воскликнула Шэй. – В школе нам всегда говорили, что они были жутко гадкие.

– Да они от нас ничем особенно не отличались. Только уродливые были.

– Ну, не знаю... Мы с тобой могли бы пилить деревья или жечь нефть, или еще что-то такое делать...

Тэлли рассмеялась.

– Шэй-ла, образ жизни в маскарадный костюм не входит.

Шэй развела руками, и из нее, как из мешка, посыпались новые предложения:

– Мы могли бы курить табак или ездить на бензиновых машинах!

Однако стенная ниша отказалась выдать им сигареты и машину.

И все равно проводить время с Шэй, примерять костюмы, а потом недовольно фыркать и швырять их в рециклер было ужасно весело. Тэлли нравилось разглядывать себя в разных нарядах, пусть даже и дурацких. В глубине души она еще помнила, как больно ей было когда-то смотреть на себя в зеркале, на свое лицо со слишком близко посаженными глазами, чересчур маленьким носом и вечно всклокоченными волосами. А теперь в зеркале перед Тэлли всякий раз возникала роскошная красавица, повторявшая каждое ее движение, – девушка с идеальными чертами лица, с красивейшей, дивно пропорциональной фигуркой. Девушка, чья кожа так и светилась, несмотря на жуткое похмелье. Девушка, чьи серебристые глаза подходили ко всему, что бы она на себя ни надела...

Но этой девушке катастрофически не хватало вкуса в выборе маскарадного костюма.

Через два часа они рухнули на кровать и комната перед глазами Тэлли снова пошла кругом.

– Меня уже тошнит от всего этого, – призналась Тэлли. – Ну почему все такое гадкое? А ведь меня не примут, если я такая дура, что даже не могу подобрать себе не слишком идиотский костюм.

Шэй взяла ее за руку.

– Не переживай, Тэлли-ва. Ты и так уже знаменитая. Можешь не волноваться, тебя примут.

– Тебе-то легко говорить.

Хотя они родились в один и тот же день, Шэй стала красоткой за несколько недель до Тэлли и уже целый месяц числилась полноправным «кримом».

– Не будет никаких проблем, – продолжала уверять Тэлли подруга. – Всякий, кто хоть какое-то время общался с чрезвычайниками, – самый натуральный «крим».

От этих слов Шэй Тэлли стало не по себе, она словно ощутила крошечную, но болезненную занозу где-то под черепом.

– Все равно. Как подумаю, что сегодня вечером не буду выглядеть круче всех, так хоть в петлю!

– Это Перис с Фаусто виноваты. Почему они не сказали, кем решили нарядиться?

– Давай дождемся их. А потом оденемся в точности как они.

– Так им и надо, – согласилась Шэй. – Выпить хочешь?

– Пожалуй.

У Тэлли так кружилась голова, что встать не было никаких сил, поэтому Шэй велела подносу с остатками завтрака убраться и принести шампанского.

Перис и Фаусто явились, полыхая огнем. Нет, на самом деле они ничем не рисковали. Бенгальские огни, которые мальчишки вставили в свои прически, горели совершенно безопасным пламенем. Фаусто то и дело хихикал – когда искорки пощипывали кожу, было щекотно. Перис и Фаусто надели спасательные куртки и в итоге выглядели так, будто только что спрыгнули с крыши горящего дома.

– Фантастика! – воскликнула Шэй.

– Просто восторг, – согласилась Тэлли. – Но что тут преступного?

– А ты не помнишь? – удивился Перис. – Неужели забыла, как прошлым летом прорвалась на бал и удрала с помощью куртки? Как с крыши спрыгнула? Это была самая лучшая проделка уродца за всю историю!

– Ну, ладно... А почему вы горите? – продолжала допытываться Тэлли. – Я в том смысле, что нет ничего преступного в том, чтобы выпрыгнуть из дома, если он вправду горит.

Шэй так глянула на Тэлли, словно та опять ляпнула что-то несурзное.

– Не могли же мы просто так натянуть спасательные куртки! – сказал Фаусто. – С огнем-то гораздо круче.

– Вот-вот, – подхватил Перис, но Тэлли показалось, что на самом деле он понял ее, и ей стало грустно.

«Вот дура! И зачем было ему напоминать!» – подумала она.

Костюмы и вправду были классные.

Бенгальские огни загасили, чтобы сберечь до вечера, а Шэй велела нише в стене выдать еще две куртки.

– Эй, это нечестно! – возмутился Фаусто, но оказалось, что волновался он зря.

Стена не желала выдавать спасательные куртки в качестве маскарадных костюмов. Мало ли, вдруг кто-нибудь забудет, что куртка бутафорская, и сиганет в ней с высоты, а настоящую стена произвести не могла. За любыми сложными и прочными вещами надо было обращаться в Службу снабжения, а Служба снабжения курток не выдаст, потому что на самом деле никакого пожара нет.

– Что-то наш домик сегодня такой зану-у-да! – протянула Шэй.

– А вы-то где куртки раздобыли? – поинтересовалась Тэлли у ребят.

– Они настоящие, – признался Перис, улыбаясь и щупая свою куртку. – Мы их украли с крыши.

– Ага, так вы совершили самое что ни на есть настоящее преступление! – заключила Тэлли, прыгнула с кровати и бросилась Перису на шею.

И сразу, стоило лишь коснуться его, как предстоящая вечеринка перестала казаться ей такой уж до тошноты пугающей. Пусть даже кто-то проголосует против – не страшно! Перис смотрел на Тэлли огромными сверкающими глазами, и все было просто замечательно. А потом он крепко обнял ее и закружил по комнате. Раньше, когда они оба были уродцами, Перис часто так делал. Они выросли вместе, охотно выбирались на запретные вылазки и вообще проказничали. И Тэлли не могла нарадоваться, что Перис снова с ней.

Все те несколько недель, что Тэлли жила в лесной глуши, больше всего на свете ей хотелось оказаться рядом с Перисом, попасть в Нью-Красотаун и стать красивой. Так что за глупая тоска накатила на нее минуту назад? Разве жизнь не прекрасна? Наверное, это все из-за вчерашнего шампанского.

– Лучшие друзья навек, – прошептала Тэлли, когда Перис поставил ее на пол.

– Эй, а это что за штуковина такая? – спросила Шэй. Она зарылась в недра гардеробной Тэлли в поисках идей для маскарада и вытащила оттуда бесформенный комок шерсти.

– Ах, это... – Тэлли всплеснула руками. – Это мой свитер из Дыма, помнишь?

Как странно. Она помнила этот свитер совсем другим, а оказывается, он страшненький и весь какой-то кривоватый. Подумать только, его делали по частям, а потом эти части скрепляли – это называлось «шить». И места стыков были видны. Там, в диком поселении под названием Дым, дома не выпекали одежду, как пирожки, и людям приходилось самим ее мастерить. А люди для этого не приспособлены.

– Ты его не рециклировала? – удивилась Шэй.

– Не смогла, – покачала головой Тэлли. – Он сделан из чего-то такого странного, что стена не может взять его в переработку.

Шэй поднесла свитер к лицу.

– Надо же! Он до сих пор пахнет Дымом! Костром и жареным мясом, которое мы там каждый день ели. Помнишь?

Перис и Фаусто подошли и понюхали свитер. Они никогда не бывали за чертой города, если не считать школьных экскурсий в Ржавые руины. И уж конечно, они никогда не забирались в такую даль, где стоял Дым, – туда, где всем приходилось день-деньской работать, все делать своими руками, растить овощи и даже убивать диких животных ради пропитания и где после шестнадцати лет все оставались уродцами. До самой смерти. Правда, от Дыма теперь остались одни воспоминания – благодаря Тэлли и Комиссии по чрезвычайным обстоятельствам.

– Ой, Тэлли, я придумала! – радостно воскликнула Шэй. – Мы с тобой оденемся дымниками!

– Круто! – с неподдельным восторгом одобрил Фаусто. – Ничего более преступного и быть не может!

Все трое уставились на Тэлли. Идея Шэй всех вдохновила, а вот Тэлли снова ощутила ту странную занозу, и по спине ее пробежал холодок. Но отказаться было бы неправильно. Ведь если она явится на вечеринку в таком крутейшем костюме, как натуральный, самый что ни на есть всамделишный свитер дымника, никто не посмеет проголосовать против нее. Потому что Тэлли Янгблад будет выглядеть настоящей преступницей.

Оргия

Вечеринка должна была состояться в особняке Валентино – самом старом здании Нью-Красотауна. Это был длинный, всего в два этажа дом на берегу реки. Зато на нем возвышалась ретрансляционная башня, которую было видно даже с другого края острова. Стены особняка были сложены из настоящего камня, поэтому комнаты в нем не разговаривали, но здесь не раз устраивались грандиозные, просто сказочные оргии. Ожидать очереди поселиться в особняке Валентино можно было целую вечность, а то и дольше.

Перис, Фаусто, Шэй и Тэлли шли по увеселительным садам. Вокруг топали на бал-маскарад другие компании. Тэлли заметила ангела с красивыми крыльями из перьев. Хозяин костюма наверняка затребовал его еще несколько месяцев

назад, и это было совершенно нечестно. Стайка красавчиков и красоток вырядилась толстяками и толстухами, они даже надели маски с тройными подбородками. А компания, явно принадлежавшая к группировке «гуляк», оделась (точнее, разделась) людьми, жившими еще в эпоху ржавников: полуголые «древние» люди жгли костры и били в бубны, устроив в окрестностях особняка альтернативную, менее масштабную вечеринку. Что ж, это было вполне в стиле «гуляк».

Перис и Фаусто всю дорогу спорили, в какой момент лучше себя поджечь. С одной стороны, им, конечно, хотелось эффектно войти в особняк, а с другой – неплохо было бы побереечь бенгальские огни до тех пор, пока не соберутся все, чтобы и другие «кримы» полюбовались. Когда впереди показались огни особняка, Тэлли вдруг занервничала. Костюмы выглядели не слишком шикарно. Тэлли надела свой старый свитер, а Шэй – его копию. На обеих были штаны из грубой ткани, за спино рюкзаки, а на ногах – самодельные туфли, которые Тэлли видела на одном дымнике и по памяти описала окну доставки. Для большего эффекта девушки вымазали лица и одежду грязью. Когда они только вышли из дома, им казалось, что они выглядят просто потрясающе, теперь же Тэлли почувствовала себя обыкновенной замарашкой.

У двери стояли двое жильцов особняка Валентино, наряженные надзирателями. Они следили за тем, чтобы никто не проник внутрь без маскарадного костюма. Сначала они остановили Периса и Фаусто, но как только эта парочка воспламенилась, «надзиратели» рассмеялись, замахали руками и позволили мальчикам пройти. При виде Тэлли и Шэй они просто пожали плечами, но тоже пропустили.

– Вот погодите, увидят нас другие «кримы»! – сказала Шэй. – Они-то сразу все поймут.

Четверо друзей стали пробираться сквозь толпы гостей, одетых в самые фантастические костюмы. Тэлли видела снеговиков, солдат, гладиаторов и даже целую Комиссию красоты, состоящую из ученых с рисунками-шаблонами человеческих лиц. Тут и там мелькали исторические деятели из всех частей света в невообразимых нарядах, и это напомнило Тэлли о том, как же сильно люди отличались друг от друга в те времена, когда их было слишком много. Многие из красоток и красавчиков постарше нарядились современными врачами, надзирателями, строителями, политиками – словом, теми, кем они хотели стать после второй операции, когда перестанут быть свежееиспеченными

красавчиками и обретут статус «зрелых». Бригада пожарных с хохотом попыталась погасить огонь на Перисе и Фаусто, но те не пожелали «гаснуть».

– Где же они? – то и дело спрашивала Шэй, но каменные стены помалкивали. – Вот тупизм! И как тут только люди живут?

– Наверное, с мобильниками не расстанутся, – предположил Фаусто. – Надо было нам хоть один заказать.

Проблема заключалась в том, что в особняке Валентино нельзя было с кем-то поговорить, просто позвав его по имени, – комнаты здесь были старинные и безмозглые, так что находиться внутри этого дома было почти то же самое, что на улице. Друзья бродили по залам. Тэлли прижала ладонь к стене, и ей понравилось, какие прохладные на ощупь эти древние камни. На пару мгновений они напомнили ей о жизни на лоне природы, где все было неотесанное, молчаливое и неизменное. На самом деле она не так уж и рвалась встретиться с «кримами». Они все будут тарашиться на нее и прикидывать, как проголосовать... Брр!

Друзья шли по запруженным народом коридорам и заглядывали в комнаты, битком набитые древними астронавтами и исследователями космоса. Тэлли насчитала пять Клеопатр и две Лилиан Рассел[1 - Лилиан Рассел – американская фотомодель, популярная в 1890 году. Интересно, что весила она 90 кг.]. Попались ей на глаза и несколько Рудольфов Валентино[2 - Рудольф Валентино (1895–1926) – американский киноактер. Прославился ролями роковых соблазнитель в немых фильмах 1920-х годов.]. Оказалось, особняк назван в честь этого ржавника, которому от рождения досталась почти совершенная красота.

Другие компании нарядились коллективно. Друзьям встретились «мошенники», одетые как скай-хоккейная команда, – с клюшками и на скайбордах. Были здесь и «обманщики», вырядившиеся больными щенками с конусообразными пластиковыми воротниками на шеях. И конечно, повсюду сновали «стайники», без умолку переговаривавшиеся друг с другом с помощью колец-интерфейсов. У «стайников» под кожей имелись вживленные антенны, поэтому они могли вызвать друг друга откуда угодно даже внутри безмозглых стен особняка Валентино. Другие группировки всегда потешались над «стайниками», которые ходили повсюду только толпой, как пчелы роем. Вне толпы они боялись выходить в свет. Сегодня «стайники» нарядились мухами, нацепив маски с

большими фасеточными глазами. Что ж, костюмчики в самый раз для них.

Пока посреди всего этого безумного ассорти масок и костюмов Тэлли не заметила ни одного «крима». «А вдруг, – испугалась она, – они все решили бойкотировать этот маскарад, чтобы не голосовать за меня?». С каждой минутой Тэлли накручивала себя все больше. Вдобавок она то и дело ловила на себе взгляды какого-то человека. Незнакомец в сером шелковом комбинезоне неотступно следовал за ними и сразу же растворялся в толпе, стоило Тэлли взглянуть на него в упор.

Она не могла даже понять, парень это или девушка. На незнакомце (или незнакомке?) была маска – пугающая и красивая одновременно. По-волчьи жестокие глаза сверкали, отражая огни люстр. При виде этого пластикового лица в душе Тэлли всколыхнулись какие-то смутные воспоминания, что-то неприятное.

Довольно скоро она поняла, что маскарадный костюм незнакомца изображает агента Комиссии по чрезвычайным обстоятельствам.

Тэлли остановилась и прижалась спиной к прохладной стене. Она вспомнила серые шелковые комбинезоны чрезвычайников, вспомнила их красивые и жестокие лица... Голова у нее пошла кругом, перед глазами поплыло – так с ней бывало всегда, когда она вспоминала о жизни вне города.

Нарядиться в такой маскарадный костюм здесь, в Нью-Красотауне, было по меньшей мере странно. Не считая Тэлли и Шэй вряд ли кто-нибудь здесь своими глазами видел чрезвычайника. Для большинства людей агенты Комиссии были всего лишь персонажами городских баек. Стоило случиться чему-то непонятному – и в этом винили чрезвычайников. А они весьма умело скрывались. Их работа состояла в том, чтобы защищать город от внешней угрозы, и они берегли покой горожан, как солдаты и разведчики во времена ржавников. Но только настоящие преступники вроде Тэлли Янгблад встречались с чрезвычайниками лично.

А хозяин этого маскарадного костюма явно знал, что делает. Почти наверняка он (или она?) видел живого чрезвычайника. Но почему этот человек следит за Тэлли? Серый силуэт, движущийся со зловещей грацией хищника, преследовал ее, оставаясь на краю поля зрения. Тэлли хорошо запомнила повадки

чрезвычайников с того страшного дня, когда они явились в Дым и охотились за ней среди руин вольного поселения.

Тэлли потрянула головой. Воспоминания до сих пор как-то не складывались у нее в единое целое. Что за чушь? Конечно же, чрезвычайники за Тэлли не охотились. С какой бы это стати? Они ее спасли, они привезли ее домой после того, как она ушла из города по следам Шэй. При мысли о чрезвычайниках у Тэлли всегда кружилась голова, но в этом нет ничего удивительного. Их жестокие лица были специально сделаны такими, чтобы напугать любого, точно так же как чудесные лица обычных красавцев и красоток призваны радовать взгляд.

Может быть, этот человек вовсе и не преследует ее. А может быть, это вообще не один человек, а целая компания. Нарядились одинаково и рассредоточились по всем комнатам, а Тэлли вообразила себе невесть что. Точно, вот и объяснение! Тэлли облегченно перевела дух и повеселела. Она догнала друзей, и они, перебрасываясь шутками, пошли дальше в поисках «кримов». Но краем глаза Тэлли продолжала наблюдать за своим преследователем и быстро поняла: нет, это не компания шутников. Это один и тот же человек. Он ни разу ни с кем не заговорил, молча и грациозно скользя по залам и коридорам.

Она попыталась взять себя в руки. У чрезвычайников нет причин гоняться за ней. И уж тем более с какой стати чрезвычайник явился бы на бал-маскарад, нарядившись чрезвычайником?

Тэлли через силу рассмеялась. Возможно, это один из «кримов» решил над ней подшутить – кто-то из тех, кто сто раз слышал историю Тэлли и Шэй и знал все про чрезвычайников. Если так, то она только выставит себя дурой, если будет дергаться. Лучше всего вести себя так, словно этого фальшивого чрезвычайника вовсе нет.

Тэлли опустила глаза и оглядела собственный наряд.

Может быть, костюм дымницы привлекает внимание? Права была Шэй: запах старого свитера домашней вязки всколыхнул воспоминания о жизни в Дыме, о днях изнурительной работы и о ночах, когда они грелись у костров. И сразу в памяти всплывали лица стареющих уродцев. Порой они являлись Тэлли во сне, отчего она вскрикивала и просыпалась. Да, от жизни в Дыме нервы Тэлли здорово расшатались.

Никто из ее друзей не обращал внимания на фигуру в сером. Может быть, они все принимают участие в этом розыгрыше? Фаусто переживал, что его бенгальские огни погаснут, а другие «кримы» так и не успеют их увидеть.

– Может быть, они на одной из башен? – предположил он.

– По крайней мере оттуда мы сможем связаться с ними, – подхватил Перис.

Шэй недовольно фыркнула и направилась к ближайшей двери.

– Куда угодно, только бы выбраться из этой дурацкой груды камней.

Толпа гостей уже и так повалила наружу, растекаясь вокруг древних каменных стен. Шэй повела компанию вперед, выбрав наугад одну из бальных башен. Друзья миновали кучку «волосатиков» в париках в виде ульев, вокруг которых роились стаи шмелей, – на самом деле это были крошечные магнитные подъемники, как у скайбордов, выкрашенные в черно-желтые полосочки и затейливо размещенные вокруг головы.

– А жужжат неправильно, – сказал Фаусто, но Тэлли заметила, что эти костюмы его впечатлили.

Бенгальские огни у него в волосах догорали, и народ вокруг уже начинал поглядывать на него с недоумением. Как только друзья вошли в бальную башню, Перис связался с Зейном и тот сказал, что все «кримы» здесь, наверху.

– Молодец, Шэй, здорово угадала.

Все четверо вошли в кабину лифта вместе с хирургом, трилобитом и двумя подвыпившими хоккеистами, с трудом держащимися на скай-коньках.

– Прекрати так психовать, Тэлли-ва, – сказала Шэй, крепко сжав ее плечо. – Примут тебя, не бойся. Ты нравишься Зейну.

Тэлли сумела улыбнуться, гадая, правда ли это. Зейн всегда расспрашивал ее о жизни до операции, но он так со всеми разговаривал – выпитывал истории других «кримов», ловил каждое слово, сверкая золотистыми глазами. Неужели он

действительно считает Тэлли Янгблад особенной?

Ну, кое-кто точно считал ее особенной. Как только двери кабины открылись, Тэлли на глаза снова попала фигура в сером костюме, которая тут же затерялась в толпе.

Преследователь

Большинство «кримов» явились на бал-маскарад в образе лесорубов – в одежде из шотландки и со здоровенными накладными мышцами. В одной руке каждый «лесоруб» держал бензопилу, а в другой – бокал шампанского. Были в толпе и мясники, и несколько курильщиков с самодельными фальшивыми сигаретами, а еще – девушка-палач в высоком закрывающем лицо колпаке с прорезями для глаз. Зейн, неплохо знавший историю, нарядился подручным некоего диктатора, не вполне лишенным вкуса. На нем был облегающий черный костюм с потрясающей красной повязкой на рукаве. Специально под этот костюм он сделал легкую пластику лица – тонкие губы, впалые щеки – и в итоге стал немного похож на чрезвычайника.

Костюм Периса все подняли на смех. Попытались поджечь Фаусто, но только подпалили несколько прядей его волос. Запах распространился гадостный. А вот костюмы Тэлли и Шэй публику заинтриговали, и вскоре «кримы» окружили девушек. Некоторые боязливо прикасались кончиками пальцев к шерстинкам свитера Тэлли и спрашивали, не колется ли он. Шерсть, конечно, кололась, но Тэлли в ответ качала головой.

Шэй подошла к Зейну и продемонстрировала ему драгоценные камешки в глазах.

– Как думаешь, они мне идут? – спросила она.

– Они тянут на пятьдесят милли-елен[3 - По всей вероятности, эта единица красоты названа в честь мифической Елены Прекрасной, из-за которой разразилась Троянская война.], – заверил ее Зейн.

Его заявление потрясло всех.

– Одна милли-елена – это столько красоты, что хватит на запуск одного космического корабля, – объяснил Зейн, и все «кримы» рассмеялись. – Так что пятьдесят – сами понимаете...

Шэй улыбнулась. От похвалы Зейна она раскраснелась, как от шампанского.

Тэлли пыталась расслабиться, но от мысли, что за ней слоняется костюмированный чрезвычайник, ей было здорово не по себе. Через несколько минут она вышла на балкон бальной башни, чтобы подышать прохладным свежим воздухом.

К башне было привязано несколько воздушных шаров. Они парили в небе, будто черные луны. «Воздушники», стоявшие в гондоле одного из шаров, стреляли по пассажирам другой гондолы «римскими свечами» и хохотали, когда безопасное пламя с рокотом летело сквозь ночную тьму. А потом один шар начал подниматься и рев его горелки перекрыл шум бала. Цепь, которой гондола крепилась к поручню балкона, упала и ударила по башне. Шар поднимался, язык пламени становился все меньше и меньше, пока совсем не исчез вдаль. «Если бы Шэй не познакомила меня с “кримами”, – думала Тэлли, – я бы стала “воздушницей”». «Воздушники» всегда куда-то улетали по ночам и приземлялись в разных местах, а потом вызывали аэромобиль, чтобы тот забрал их откуда-нибудь с далекой окраины или даже из-за черты города.

Тэлли посмотрела за реку, на темный Уродвилль, и в душе ее почти ничто не всколыхнулось. Это было странно. Несколько месяцев, проведенных за городом, спутались, перемешались в ее памяти, но зато Тэлли отчетливо помнила, как была уродкой, как любовалась по ночам видом Нью-Красотауна из окна своей спальни, как ей до смерти хотелось, чтобы поскорее исполнилось шестнадцать... Она всегда представляла себя на этой стороне, на какой-нибудь высокой башне, а вокруг сверкает фейерверк, разгуливают красотки и красавцы, и она сама тоже красавица.

Конечно, Тэлли из тех фантазий чаще всего была одета в бальное платье, а никак не в шерстяной свитер и рабочие штаны, и ее лицо не было перепачкано грязью. Тэлли прижала пальцем нитку, торчащую из вязаного полотна, и пожалела о том, что Шэй сегодня нашла в ее гардеробной этот свитер. Тэлли

хотелось забыть о Дыме навсегда, прогнать бессвязные воспоминания о том, как она бежала, как пряталась, как чувствовала себя предательницей. Она то и дело поглядывала на дверь лифта, опасаясь появления незнакомца в костюме чрезвычайника, и это было очень неприятно. Ей хотелось полностью осесть в этом мире и не дрожать при мысли о том, что он в любой момент может рухнуть.

Может быть, Шэй говорила правду и сегодняшнее голосование решит все. «Кримы» представляли собой одну из самых сплоченных группировок Нью-Красотауна. Если тебя принимали и ты становился «кримом», ты всегда мог рассчитывать на то, что у тебя есть друзья, на веселые вечеринки и увлекательные разговоры. Скоро Тэлли больше не придется ни от кого убежать.

Единственным препятствием было то, что в «кримы» не принимали, если ты в пору своего уродства не предавался запрещенным забавам на полную катушку и не мог рассказать ничего о том, как вылезал по ночам из окна интерната или всю ночь летал на скайборде, или удирал из города. «Кримы» были красавцами и красотками, не забывающими о своем уродском прошлом и продолжающими радоваться удачным розыгрышам и хулиганским забавам, которые по-своему скрашивали жизнь в Уродвилле.

– Сколько бы ты дала за этот вид? – спросил Зейн, незаметно подобравшись к ней.

Старинный черный костюм делал особенно заметным его рост, максимальный для красавцев, – два метра.

– Сколько бы дала? Сто милли-елен? Пятьсот? Может быть, целую елену?

Тэлли вдохнула поглубже, чтобы успокоиться, и посмотрела на темнеющую за деревьями реку.

– Ничего бы не дала. Это ведь Уродвилль, что с него взять.

Зейн хмыкнул.

– Будет тебе, Тэлли-ва. Не стоит так презирать наших маленьких уродливых братцев и сестричек. Они не виноваты в том, что не такие красивые, как ты.

Он заботливо убрал за ухо выбившуюся прядь ее волос.

– Я не про них. Про само это место. Уродвилль – это тюрьма.

Сказав это, она сразу почувствовала, как неуместны здесь такие слова. Уж слишком они были серьезны для вечеринки.

Но Зейн, похоже, не имел ничего против такого поворота беседы. Он осторожно провел рукой по топорщащимся шерстинкам свитера, как делали остальные: – Ты ведь бежала оттуда, да? Скажи, в Дыме было хоть немножко лучше?

«Интересно, ему нужен правдивый ответ? – задумалась Тэлли. – Как бы не ляпнуть что-нибудь несуразное. Ведь если Зейн решит, что я не гожусь, голоса против посыплются дождем, что бы мне ни обещали Шэй и Перис».

Тэлли посмотрела Зейну в глаза. Они мерцали переливами золота и отражали огни фейерверка, будто крошечные зеркала. Эти глаза чем-то манили Тэлли. Это было не просто обычное волшебство красоты, нет, но что-то гораздо более серьезное. И развеселый бал вокруг словно перестал существовать для нее. Зейн всегда очень внимательно слушал ее рассказы о Дыме. Он уже знал обо всех ее приключениях, но, похоже, так и не наслушался.

– Я ушла в ночь перед тем, как мне должно было исполниться шестнадцать, – пояснила Тэлли. – Так что говорить, что я бежала из Уродвилля, было бы не совсем правильно.

– Это верно, – согласился Зейн. Он отвел взгляд и освободил Тэлли от своих чар. – Ты бежала от операции.

– Я пошла за Шэй. Мне пришлось остаться уродкой, чтобы найти ее.

– Чтобы спасти ее, – уточнил Зейн и снова устремил на нее взгляд своих золотых глаз. – Так?

Тэлли осторожно кивнула. От вчерашнего шампанского у нее все еще кружилась голова. А может быть, уже от сегодняшнего.

Она посмотрела на свой опустевший бокал: «Сколько я уже успела выпить?».

– Просто я не могла поступить иначе, – сказала Тэлли и тут же поняла, как по-дурацки это прозвучало.

– Чрезвычайные обстоятельства? – спросил Зейн с холодной усмешкой.

Тэлли вздернула брови. Интересно, много ли он успел натворить, пока был уродцем? О себе Зейн не очень-то распространялся. Хотя он был ненамного старше Тэлли, ему, похоже, вообще не пришлось никому доказывать, что он настоящий «крим». Он просто был им.

Несмотря на пластику, сделавшую его губы тонкими, Зейн был очень хорош собой. Черты его лица были более резкими, чем у большинства красавцев, – казалось, врачи, когда лепили его образ, решили взять все самые предельные значения параметров, оговоренных в инструкциях Комиссии красоты. Скулы остро выпирали под кожей, будто наконечники стрел, а когда Зейн удивлялся, его брови выгибались несоразмерно высоко. Тэлли вдруг с пугающей ясностью осознала, что если любую из черт лица Зейна сместить хоть на несколько миллиметров, он будет выглядеть ужасно. Но при этом представить его уродливым она бы ни за что не смогла.

– Ты когда-нибудь бывал на Ржавых руинах? – спросила Тэлли. – Ну... раньше, когда был помладше?

– Прошлой зимой почти каждую ночь.

– Зимой? – удивилась Тэлли.

– Мне нравится, когда развалины покрыты снегом, – объяснил Зейн. – Снег сглаживает острые углы, и вид становится на несколько мега-елен дороже.

– О... – Тэлли помнила, как путешествовала по загородным краям ранней осенью и как ей тогда было холодно. – Наверное, заледенеть можно.

– Ни разу не удалось никого уговорить слетать туда со мной. – Зейн прищурился. – Между прочим, когда ты рассказываешь о руинах, никогда не

упоминаешь о том, что встречалась там с кем-то.

– С кем-то встречалась?.. – Тэлли закрыла глаза. Она вдруг почувствовала, что теряет равновесие, припала к парапету балкона и сделала глубокий вдох.

– Да, – подтвердил свой вопрос Зейн. – Так встречалась?

Пустой бокал выскользнул из пальцев Тэлли и упал в черноту.

– Посмотри вниз, – пробормотал Зейн с улыбкой на губах.

В темноте раздался звон бьющегося стекла и во все стороны, словно круги от брошенного в воду камешка, разбежался удивленный смех. Звуки доносились словно бы с расстояния в тысячу километров.

Тэлли сделала еще несколько глотков прохладного ночного воздуха, пытаясь прийти в себя. Желудок выделял жуткие выкрутасы. Какой стыд! Ее чуть не стошнило после каких-то двух-трех бокалов шампанского!

– Все хорошо, Тэлли, – прошептал Зейн. – Расслабься и веселись.

«Глупость какая, – подумала Тэлли. – Чтобы кто-то велел мне веселиться». Но лицо Зейна, пусть даже ожесточенное пластикой, уже смягчилось. Похоже, он и вправду хотел, чтобы Тэлли расслабилась.

Тэлли отвернулась от парапета, от края пропасти, завела руки за спину и сжала поручень. На балкон вышли Шэй и Перис. Тэлли окружили ее новые друзья-«кримы». Она была защищена, она являлась частичкой компании. Но они поглядывали на нее с опаской. Возможно, все сегодня ожидали от нее чего-то особенного.

– Я ни разу никого там не видела, – сказала Тэлли. – Кто-то должен был прийти, но так и не пришел.

Ответа Зейна она не услышала.

Преследователь появился снова. Теперь он стоял на противоположной стороне запруженного людьми балкона и смотрел на Тэлли в упор. Его глаза на миг блеснули – он словно дал понять, что заметил ее взгляд. Затем человек в костюме чрезвычайника повернулся и исчез среди белых халатов «членов Комиссии красоты», пропал за гигантскими рисунками с изображением основных типов красавцев и красоток. И хотя Тэлли понимала, что поступает очень и очень глупо, она бросила Зейна и всех остальных и стала проталкиваться сквозь толпу. Она знала, что ни за что не сумеет совладать с собой, пока не выяснит, кто этот человек – «крим», чрезвычайник или просто свежее испеченный красавец. Она должна была понять, зачем кто-то дразнит ее этим чрезвычайником. Тэлли протиснулась между ряжеными в белых халатах – и угодила в толпу ряженых толстяков. Некоторое время девушка толкалась среди них, перелетая от одного пухлого накладного живота к другому, как шарик в пинболе, а когда все же вырвалась, путь ей преградила хоккейная команда почти в полном составе. «Хоккеисты» стояли на своих скай-коньках неуверенно, будто малыши. Тэлли бежала вперед, туда, где мелькала фигура в сером шелковом комбинезоне, но пробираться через коловращение толпы было не так-то просто. В общем, когда Тэлли все же удалось добраться до центральной колонны, фигура в сером исчезла.

Глянув на табло над дверью лифта, Тэлли поняла, что кабина поехала вверх. Чрезвычайник оставался в башне, но на каком этаже его искать?

А потом Тэлли заметила аварийный выход – ярко-красную дверь, испещренную надписями, сообщающими, что при ее открывании непременно сработает сигнализация. За дверью была лестница. Тэлли огляделась по сторонам. Человек в сером как в воду канул. Кто бы это ни был, он явно ушел по лестнице. Сигнализация не проблема – Тэлли обманывала ее миллион раз, пока была уродкой.

Тэлли подбежала к двери и стала торопливо отключать сигнализацию. Руки у нее дрожали. Если, чего доброго, завоет сирена, взгляды всех присутствующих тут же обратятся к нарушительнице, поползет издевательский шепоток. Кроме того, оглянуться не успеешь, как придут надзиратели и всех эвакуируют из башни. И преступная карьера Тэлли с треском прекратится.

«Да, тот еще из меня “крим”, – думала девушка. – Какая же я преступница, если не могу сигнализацию отключить?».

Она резко толкнула дверь. Сирена даже не пикнула.

Тэлли вышла на лестничную площадку. Дверь у нее за спиной захлопнулась, и шум вечеринки как отрезало. Во внезапно наступившей тишине Тэлли услышала стук собственного сердца и свое учащенное после бега дыхание. Из-за двери пробивалась музыка – бетонный пол подрагивал от басов.

Человек в сером сидел на лестнице на несколько ступенек выше площадки.

– Выбралась-таки, – сказал он.

Маска была из тех, что меняют голос до неузнаваемости. Тэлли поняла только, что чрезвычайник – молодой парень.

– Куда выбралась? На бал?

– Нет, Тэлли. За дверь.

– Да она не была заперта. – Она взгляделась в хрустальные глаза маски. – Ты кто?

– Ты меня не узнаешь? – Парень искренне удивился, будто она не узнала старого друга. Как если бы они были давно знакомы и он постоянно носил эту маску. – На кого я похож?

Тэлли облизнула пересохшие губы.

– На чрезвычайника, – тихо сказала она.

– Правильно. Помнишь.

Она почувствовала, что незнакомец улыбается. Он говорил с расстановкой, тщательно подбирая слова, словно имел дело с умственно отсталой.

– Конечно помню. Ты агент? Я тебя знаю?

Тэлли не смогла бы узнать никого из чрезвычайников. В ее памяти их лица слились в одну жестокую красивую маску.

– Почему бы тебе не посмотреть? – спросил незнакомец, но и пальцем не пошевелил, чтобы снять маску. – Давай, Тэлли.

И тут она поняла, что происходит. Он ее испытывает. Проверяет, сумеет ли она сообразить, что означает костюм, догнать чрезвычайника, обмануть сигнализацию. Все это было экзаменом. И вот теперь незнакомец сидел напротив нее на ступеньках и ждал, хватит ли у нее смелости сорвать с него маску.

Тэлли терпеть не могла экзаменов.

– Отвяжись от меня, – процедила она сквозь зубы.

– Тэлли...

– Я не желаю работать на Комиссию по чрезвычайным обстоятельствам. Я просто хочу спокойно жить в Нью-Красотауне.

– Я не...

– Оставь меня в покое! – рявкнула Тэлли, сердито сжав кулаки. Ее крик эхом отразился от бетонных стен. Повисло удивленное молчание – похоже, не только она сама от себя такого не ожидала, но и чужак слегка опешил. По лестничным пролетам плыла музыка – робкая, приглушенная.

Наконец из-под маски донесся вздох. Незнакомец поднял руку, в которой держал сумку из грубой кожи.

– У меня кое-что есть для тебя. Если ты к этому готова. Ты хочешь этого, Тэлли?

– Я ничего не хочу от... – Тэлли оборвала себя, потому что снизу донеслись негромкие шаги. Кто-то шел вверх по лестнице. И это был явно кто-то не из ряженных весельчаков.

Незнакомец и Тэлли одновременно сорвались с места и ухватились за перила, вглядываясь вниз, в узкий лестничный пролет. Тэлли заметила блеск серого шелка, чьи-то руки на перилах. Пять или шесть человек невероятно быстро поднимались сюда, и шаги их были почти бесшумными, даже едва доносившаяся музыка бала заглушала их...

– Еще увидимся, – торопливо проговорил незнакомец, оттолкнул ее и бросился к двери.

Тэлли удивленно заморгала. Этот тип кинулся наутек от настоящих чрезвычайников. Но кто же тогда он? И прежде чем пальцы незнакомца сжали дверную ручку, Тэлли сорвала с него маску.

Он оказался уродцем. Самым настоящим уродцем. Его лицо не имело ничего общего с фальшивыми физиономиями толстяков, нацепивших маски со здоровенными носами и узкими глазками. Другим, неправильным этого парня делали вовсе не крупные черты лица. Он был весь другой, словно его слепили из совершенно иного теста. Идеальное зрение Тэлли позволило ей за доли секунды рассмотреть кожу с расширенными порами и болезненными прыщами на лбу, свидетельствующую о нарушении обмена веществ, спутанные пряди волос и кустики юношеской бородки, неровные зубы – всю неправильность этого лица с грубо нарушенными пропорциями... Тэлли захотелось убежать, убраться как можно дальше от этого жалкого, грязного, нездорового уродства.

– Крой? – прошептала она.

Падение

– Потом, Тэлли, – пробормотал Крой, натягивая маску. Он рывком распахнул дверь, и на лестничную клетку ворвался шум бала. Крой проворно скользнул на балкон, и его серый костюм быстро затерялся в толпе.

Тэлли остолбенела. Дверь медленно закрывалась. Уродство, как и старый свитер, сохранилось в памяти Тэлли как бы облагороженным. А на деле лицо Кроя оказалось намного некрасивее, чем собирательный образ дымника,

оставшийся у нее после побега. Эта кривая улыбка, тусклые глаза, красные отметины на вспотевшей коже в тех местах, где к лицу прижималась маска...

Дверь громко хлопнула, выведя Тэлли из оцепенения. Эхо хлопка пошло гулять по этажам, и на его фоне слышались тихие шаги, неуклонно поднимающиеся вверх. Скоро здесь будут настоящие чрезвычайники. Впервые за весь день в голове Тэлли сложилась четкая, ясная мысль. Бежать!

Девушка рывком открыла дверь и бросилась в толпу. В этот миг как раз приехал лифт и Тэлли окружили «натуралисты», изображавшие ходячие осенние деньки. Ей пришлось прокладывать себе дорогу среди желто-красной листвы их костюмов. Пол был основательно полит шампанским, ноги скользили, но Тэлли успела заметить мелькнувший впереди серый шелковый костюм. Крой направлялся к перилам балкона, к «кримам».

Тэлли рванулась за ним. Она не желала, чтобы кто-то преследовал ее, пугал на балах и вечеринках, сбивал с толку, будоражил воспоминания, так замечательно разложенные по полочкам на долгое хранение. Ей хотелось только одного – веселиться. Поэтому она твердо решила догнать Кроя и сказать ему, чтобы он больше за ней не таскался. Тут не Уродвилль и не Дым, так что этот тип не имеет права находиться здесь. Не имеет права выныривать из ее уродского прошлого.

Однако была и другая причина, заставляющая Тэлли бежать от запасного выхода. Чрезвычайники. Она видела их лишь краем глаза, но этого хватило, чтобы в каждой клеточке ее тела словно бы зазвучал сигнал тревоги. Нечеловеческая быстрота агентов пугала и отталкивала Тэлли, ей было противно смотреть на них, будто на таракана, проворно бегущего по тарелке. Крой тоже двигался не так, как нормальные люди. Среди толкущихся новоиспеченных красоток и красавцев его самоуверенность бросалась в глаза. Но чрезвычайники – это люди совсем иного сорта. Тэлли наконец протиснулась к перилам балкона – и тут Крой вспрыгнул на поручень. Уродец пошатнулся, замахал руками, потом присел и, оттолкнувшись, упал в объятия ночи.

Подбежав к парапету, Тэлли посмотрела вниз, но Кроя разглядеть не смогла – темнота скрыла его. Прошло несколько томительных секунд – и она снова увидела дымника, который падал вниз головой прямо на асфальт. А потом Крой вдруг раздулся – сработала спасательная куртка – и, подпрыгивая мячиком, понесся к реке. Серый шелк его костюма отливал всеми цветами радуги в

сполохах фейерверка.

– Что-то не припомню, чтобы в приглашении говорилось: «Вход только в спасательных куртках», – раздался рядом голос Зейна. Вожак «кримов» подошел к перилам и посмотрел вниз. – Кто это был, Тэлли?

Она открыла рот, чтобы ответить, но тут оглушительно взвыла сигнализация.

Тэлли обернулась и увидела, что толпа ошарашенно расступается. Из двери запасного выхода появились чрезвычайники и стали прокладывать себе путь через сборище удивленных и напуганных красавцев и красоток. Жестокие лица агентов не были масками, как не было маской уродство Кроя, но смотреть на них было так же неприятно. От взглядов волчьих глаз у Тэлли по коже поползли мурашки. Чрезвычайники приближались к ней – целенаправленно, хищно, быстро, как кошка на охоте. При виде их у нее возникло острое желание бежать, бежать как можно быстрее...

У противоположного края балкона стоял Перис. Он застыл у парапета, зачарованный происходящим. Бенгальские огни в его волосах выстреливали последними искорками, но на вороте куртки ярко горел зеленый огонек. Тэлли помчалась к нему, расталкивая «кримов», лавируя и срезая углы. Она точно знала, когда нужно будет прыгнуть.

На миг мир вдруг приобрел потрясающую ясность. Появление уродца Кроя и жестоко-красивых чрезвычайников словно бы разрушило некую мутную преграду между Тэлли и миром. Все стало ярким и резким, детали приобрели такую четкость, что девушка невольно прищурилась, как от сильного ветра.

Все вышло так, как и было задумано – Тэлли с разбега налетела на Периса, крепко обхватила его за плечи и ее инерции хватило для того, чтобы они оба упали за перила балкона. В следующее мгновение яркий свет вечеринки остался позади и они провалились в темноту. В последний раз вспыхнуло безопасное пламя в волосах Периса. Искры, холодные, как снежинки, отскочили от щеки Тэлли.

Перис не то кричал, не то смеялся. Наверное, он решил, что стал жертвой пусть и не безобидного, но захватывающего розыгрыша вроде того, когда на голову выливают ведро ледяной воды.

Когда они пролетели половину расстояния до земли, у Тэлли мелькнула мысль о том, что спасательная куртка может не выдержать двоих. Она крепче обхватила Периса, и тут сработал механизм защитной одежды. Парень охнул, его сразу развернуло вертикально ногами вниз, а у Тэлли едва не вырвало руки из плечевых суставов. За недели тяжелой работы в Дыме она успела нарастить мускулатуру, а операция сделала мышцы еще крепче, но пока куртка принаравливалась к скорости падения Тэлли и Периса, девушке становилось все труднее держаться за плечи друга. Руки слабели и соскальзывали, и в конце концов она, в отчаянии обхватив Периса за талию, вцепилась в стропы куртки у него на спине.

Надутая пузырем, та завибрировала, и когда ступни Тэлли проехали по траве, девушка разжала пальцы. Перис взмыл в воздух, угодив коленом прямо ей в лоб. Тэлли пошатнулась, не устояла на ногах и шлепнулась на кучу опавшей листвы.

Несколько секунд Тэлли лежала неподвижно, прислушиваясь к ударам сердца. Листья похрустывали под ее весом, от них исходил легкий прелый запах земли, запах старости и утомления. Что-то попало в глаз – может быть, пошел дождь, – и она моргнула.

Тэлли обернулась в сторону бальной башни, увидела парившие вдалеке воздушные шары, снова моргнула. Дыхание все никак не удавалось выровнять. Она разглядела несколько фигурок, смотревших вниз с ярко освещенного балкона десятого этажа, но разобрать, есть ли среди них чрезвычайники, не смогла.

Периса нигде не было видно. Тэлли вспомнился ее первый, еще во времена уродства, полет с бальной башни. В тот раз куртка, подсакивая, несла ее вниз по склону. Наверное, теперь Перис мячиком катится вслед за Кроем к реке.

Крой... Она ведь хотела что-то ему сказать...

Тэлли с трудом поднялась на ноги и посмотрела в сторону реки. В висках стучало, но ясность зрения, возникшая перед прыжком с балкона, не пропала. Сноп фейерверка озарил небо, яркий розовый свет пролился на землю сквозь ветви деревьев и в этом свете стала четко видна каждая травинка. Сердце Тэлли снова учащенно забилось. Каждое ощущение было отчетливым и пронзительным: сильнейшее отвращение при виде уродливого лица Кроя, страх

перед чрезвычайниками, запахи и очертания всего вокруг. С глаз девушки будто бы спала тонкая пластиковая пленка, и мир приобрел резкие, острые, как бритва, грани.

Тэлли опрометью побежала вниз по склону, к зеркальной ленте реки и мраку Уродвилля.

– Крой! – закричала она.

Розовый цветок в небе померк, Тэлли споткнулась об извилистый корень старого дерева, замахала руками, но удержалась на ногах и остановилась.

Что-то подплывало к ней из темноты.

– Крой?..

Перед глазами после вспышки фейерверка плясали зеленые пятнышки.

– А ты не сдаешься, как я погляжу...

Крой, широко расставив ноги, стоял на скайборде, парившем в метре от земли. Вид у него был спокойный и уверенный. Он успел сменить серый шелковый комбинезон на угольно-черный и выбросил маску хищного красавца. Позади него парили на скайбордах еще двое уродцев-подростков, тоже в черном. Они здорово нервничали.

– Я хотела... – голос Тэлли сорвался.

Она побежала за этим типом, чтобы сказать ему: «Уходи, оставь меня в покое и больше никогда не возвращайся». Она хотела прокричать ему эти слова. Но все стало таким ясным и четким... Ей хотелось, чтобы эта ясность продлилась. Тэлли понимала, что это вторжение Кроя в ее мир каким-то образом помогло ей увидеть все так отчетливо.

– Крой, сюда идут, – предупредил один из младших уродцев.

– Что ты хотела, Тэлли? – спокойно спросил Крой. Она неуверенно заморгала. Было страшно оттого, что если скажет что-нибудь не то, между ней и миром снова встанет мутная стена.

Тэлли вспомнила – на лестнице Крой хотел ей что-то предложить.

– У тебя что-то есть для меня?

Он улыбнулся и показал притороченную к ремню старую кожаную сумку.

– Это? Да, пожалуй, ты к этому готова. Но есть одна проблема. Сейчас не самое подходящее время отдавать это тебе, сюда идут надзиратели. А может быть, и чрезвычайники.

– Да, и через десять секунд они будут здесь, – заскулил один из младших спутников Кроя, но тот пропустил его нытье мимо ушей.

– Только мы оставим это для тебя в Валентино, триста семнадцать. Запомнишь? Валентино, триста семнадцать.

Тэлли кивнула и снова часто заморгала. У нее вдруг закружилась голова.

Крой нахмурился.

– Надеюсь, что запомнишь...

Он ловко, одним движением развернул скайборд, и двое сопровождавших его уродцев последовали его примеру.

– Еще увидимся. Жаль, что у тебя так вышло с глазом.

Они помчались к реке, разделились, полетели в разные стороны и исчезли в темноте.

– Жаль, что у меня так вышло... с чем? – растерянно повторила Тэлли и снова заморгала.

Перед глазами у нее все поплыло. Она осторожно потрогала лоб. Пальцы стали липкими. Тэлли оторопело уставилась на свою руку. На ладонь упало еще несколько темных капель.

Только теперь девушка наконец почувствовала боль, пульсирующую в голове в такт сердцебиению. Видимо, Перис расшиб ей коленом лоб. Кончики пальцев нащупали окровавленную полоску, тянущуюся со лба к щеке. Полоска была горячая, как слезы.

Тэлли села на траву и вдруг задрожала с ног до головы. Фейерверк вновь озарил небо, и кровь на руке Тэлли стала ярко-красной. В каждой капельке, как в крошечном зеркальце, отражался сноп огней. Кроме фейерверка в небе появились аэромобили. Много аэромобилей.

Кровь все текла, и Тэлли чувствовала, как от нее ускользает что-то важное, что-то такое, что она хотела бы сберечь, удержать...

– Тэлли!

Она подняла голову и увидела Периса. Тот, смеясь, поднимался по берегу.

– Знаешь, не очень-то здорово получилось, Тэлли-ва. Я чуть в реку не рухнул!

Он изобразил, как тонет, отчаянно барахтается и погружается в глубину.

Тэлли не выдержала и расхохоталась, глядя на эту пантомиму. Глупо было дрожать как осиновый лист, когда рядом Перис.

– А что такого страшного? Ты разве плавать не умеешь?

Он засмеялся и, упав на траву рядом с Тэлли, принялся сражаться со стропами куртки.

– Я же не в плавках, – объяснил он и потер плечо. – И к тому же здорово ушибся.

Тэлли попробовала вспомнить, зачем ей понадобилось прыгать с башни, но из-за вида собственной крови все мысли вылетели из головы. Хотелось только

одного – спать, спать... Все вокруг выглядело слишком резким и ярким.

– Прости.

– Просто в следующий раз предупреждай.

У них над головами расцвел очередной букет фейерверка. Перис, прищурившись, взгляделся в лицо Тэлли. Его изумление было таким искренним...

– Откуда у тебя кровь?

– Ой, да ну... Ты когда от земли отлетел, я о твою коленку стукнулась. Жуть, да?

– Не очень-то красиво. – Он заботливо сжал ее руку. – Не бойся, Тэлли. Я сейчас вызову надзирательскую машину. Они сегодня что-то разлетались, прямо как мухи роятся...

Но вызывать никого не пришлось. Машина уже приближалась. Аэромобиль бесшумно пролетел над ними, его фары выкрасили траву в красный цвет, а потом на Тэлли и Периса нацелился луч фонаря. Тэлли вздохнула и позволила миру вокруг померкнуть, утратив режущую глаза яркость. Теперь она понимала, почему день получился таким ужасным. Она чересчур сильно переживала из-за того, как проголосуют за нее «кримы» и что надеть на маскарад. Надо было веселиться в свое удовольствие, а она ко всему отнеслась слишком серьезно. Ничего удивительного, что когда ей еще и вечеринку испортили, она выпала в осадок.

Тэлли усмехнулась. Да уж, выпала так выпала... Но теперь все снова хорошо. Уродцы и жестокие красавцы ушли, Перис рядом, и он о ней позаботится. Тэлли испытывала необычайное облегчение. Ударилась головой, вот крыша и съехала. Смех, да и только – ей почему-то показалось важным, что говорят какие-то жалкие уродцы.

Аэромобиль приземлился неподалеку, из него выпрыгнули двое надзирателей и направились к Перису и Тэлли. Один держал в руке кейс с аптечкой первой помощи.

«Вот когда станут мне голову в порядок приводить, – подумала Тэлли, – надо будет попросить, чтобы вставили заодно глазные импланты, как у Шэй. Не точно такие же, конечно, копировать нельзя, но в таком же духе». Она не спускала глаз с лиц надзирателей. Это были зрелые красавцы, спокойные и мудрые. Они знали, что делать, и смотрели на Тэлли так заботливо, что она перестала стыдиться своего окровавленного лица.

Надзиратели отвели Тэлли к машине и обрызгали ее лоб особым ранозаживляющим спреем, так что на нем сразу выросла новая кожа, а еще дали таблетку, чтобы снять отек от ушиба. Когда она поинтересовалась насчет синяков, надзиратели посмеялись и сказали, что от синяков она застрахована благодаря операции. Синяков она могла не бояться до конца своих дней.

Поскольку Тэлли получила травму головы, ее обследовали на предмет функционирования нервной системы. Водя туда-сюда указкой с красным огоньком, надзиратели проверили, как работает ее глазная «мышь». Тест показался Тэлли устаревшим, но надзиратели заверили ее, что благодаря этому исследованию можно определить, нет ли у нее сотрясения мозга или черепно-мозговой травмы. Перис рассказал историю о том, как однажды влетел в прозрачную дверь особняка Лилиан Рассел и как потом ему долго-долго пришлось лежать с открытыми глазами, а иначе бы он умер – так ему говорили. Все снова дружно посмеялись.

Потом надзиратели задали несколько вопросов насчет хулиганов-уродцев, которые ночью пробрались в город с другого берега и натворили бед.

– Вы кого-нибудь из них узнали, мисс?

Тэлли вздохнула. Ей не очень-то хотелось углубляться во все это. Такой стыд – из-за нее противные уродцы испортили всем вечер. Но если зрелые красавцы задали тебе вопрос, нужно ответить. Они всегда знают, что делают, и очень гадко было бы солгать, глядя в их спокойные и все понимающие лица.

– Да. Кажется, одного из них я вспомнила. Типа по имени Крой.

– Он из Дыма, да, Тэлли?

Она кивнула, чувствуя себя ужасно неловко в свитере, связанном в Дыме и залитом кровью. Это все обитатели особняка Валентино виноваты. Зачем им только понадобился этот дурацкий костюмированный бал! Нет ничего противнее, чем разгуливать в маскарадном костюме после окончания вечеринки.

- Ты знаешь, что ему было нужно, Тэлли? Зачем он пришел?

Тэлли беспомощно посмотрела на Периса, словно ища поддержки. Он ловил каждое ее слово, его сияющие глаза были широко раскрыты и устремлены на нее, и Тэлли ощутила собственную значимость. Она пожалала плечами.

- Да эти уродцы развлекаются как могут. Наверное, он хотел выпендриться перед бывшими друзьями.

Конечно, она и сама не верила в то, что говорила. И если уж на то пошло, Крой был даже не из Уродвилля. Он был дымником и жил вдали от цивилизации, в диком краю. Вот те двое мальчишек, что сопровождали его, кажется, были из Уродвилля. Но сам Крой заявился в Нью-Красотаун явно неспроста.

Надзиратели улыбнулись и кивнули. Они поверили ей.

- Не бойся, больше это не повторится. Мы будем присматривать за тобой, чтобы никто тебя не потревожил.

Тэлли улыбнулась им в ответ, и они отвезли ее домой.

Войдя в свою комнату, Тэлли сразу услышала сообщение. Звонил Перис, вернувшийся на бал.

- Угадай, что тут случилось! - кричал он.

Его голос тонул в гомоне толпы и звуках музыки. Тэлли пожалела о том, что пришлось уйти. Ей так хотелось веселиться на балу, пусть даже на лбу у нее гадкая рана, забрызганная заживляющим спреем.

Тэлли уныло плюхнулась на кровать. А Перис все говорил...

– К моему возвращению «кримы» уже проголосовали! Когда на балу появились самые настоящие чрезвычайники, все решили, что это жутко круто, а Зейн оценил наш с тобой прыжок с башни в целых шестьсот милли-елен! Ты такая криминальная! Увидимся завтра. Только, пожалуйста, не проси, чтобы тебе убрали со лба шрам, пока все его не увидят. Лучшие друзья навек!

Сообщение закончилось. У Тэлли немного кружилась голова. Она закрыла глаза и испустила медленный и долгий вздох облегчения. Наконец-то она стала полноправным «кримом». Все, о чем она когда-то мечтала, теперь принадлежало ей. Она стала красоткой, она жила в Нью-Красотауне с Перисом и Шэй и уймой новых друзей. Все несчастья и страхи минувшего года – побег в Дым, жизнь там в чудовищных первобытных условиях, возвращение в город через дикие безлюдные края – все это теперь забылось, осталось в далеком-далеком прошлом.

Это было так чудесно, а Тэлли так устала, что ей не сразу поверилось в свое счастье. Она несколько раз прокрутила сообщение Периса, потом дрожащими руками стащила с себя вонючий вязаный свитер и швырнула его в угол.

«Завтра велю стене отправить его в переработку», – решила Тэлли.

Она легла на спину и некоторое время лежала, глядя в потолок. Позвонила Шэй, но Тэлли не стала слушать ее сообщение и перевела свое интерфейсное колечко в режим сна. Все было так дивно, что реальность представлялась ей необычайно зыбкой. Казалось, малейшее вмешательство может повредить ее чудесному будущему. Кровать, на которой она лежала, особняк Комачи[4 - Ононо Комачи – по легенде, самая красивая женщина Японии, жившая более 1200 лет назад.] и даже весь город – все это казалось хрупким, как мыльный пузырь, дрожащим и пустым.

Может быть, конечно, эту странную тоску, примешивавшуюся к радости, вызывал гулкий шум крови в висках. Может быть, Тэлли нужно было всего-навсего хорошенько выспаться. Она очень надеялась, что с утра не будет мучиться похмельем, что все снова обретет прочность и совершенство.

Через несколько минут Тэлли уснула, радуясь тому, что наконец стала «кримом». Но сны ей снились просто ужасные.

Зейн

Ей снилась прекрасная принцесса.

Она была заперта в высокой башне с каменными стенами и холодными пустыми комнатами, не умевшими разговаривать. Не было в башне ни лифта, ни даже пожарных лестниц, поэтому Тэлли не очень понимала, как же принцесса забралась на самый верх.

Но как бы то ни было, томилась принцесса на верхнем этаже башни. У нее даже спасательной куртки не было. Принцесса спала беспробудным сном.

Башню стерег дракон. У него были глаза-самоцветы и злая хищная морда. Он двигался грубо и резко, и при виде его движений Тэлли подташнивало от страха. Даже во сне она понимала, кто такой на самом деле этот дракон. Это был жестокий красавец, агент Комиссии по чрезвычайным обстоятельствам, а может быть, даже целый отряд агентов, вселившихся в серую шелковистую кожу рептилии.

Такой сон никак не мог обойтись без принца, и принц пришел. Дракон не стал ему помехой – убивать стража принц даже не пытался. Он просто прокрался мимо него к башне и полез вверх по стене, цепляясь за трещинки и выступы каменной кладки, найти которые не составляло труда, потому что башня была старая и ветхая. Он ловко карабкался вверх, помедлив лишь раз, чтобы бросить взгляд на дракона – как он там. А дракон отвлекся, с неподдельным интересом наблюдая, как игривая стайка крыс снует между его когтей.

Принц влез в высокое окно и приник к губам принцессы в поцелуе, от которого она тотчас проснулась, – вот, собственно, и весь сказ. Спуститься вниз и прокрасться мимо дракона особой сложности не составило, поскольку это все-таки был сон, а не кино и даже не сказка. Все закончилось упоительным долгим поцелуем. Классический хеппи-энд. Кроме одной мелочи – принц был всем уродцам уродец.

Тэлли проснулась с головной болью. Увидев свое отражение в зеркальной стене, она вспомнила, что голова у нее, возможно, болит не только с похмелья. Удар по лбу ее совсем не украсил. Как и предупредили ночью надзиратели, кожа на месте раны, обработанной спреем, была жуткого красного цвета. Нужно скорее посетить хирургический кабинет, где врачи бесследно удалят ссадину...

Но Тэлли решила пока этого не делать. Как сказал Перис, со ссадиной у нее будет по-настоящему преступный вид. Тэлли улыбнулась, вспомнив о своем новом статусе, и ссадина ей сразу показалась прекрасной.

Градом посыпались сообщения от других «кримов», пьяные поздравления и рассказы о разных диких выходках на балу. Но конечно, никто не отколол ничего более сногшибательного, чем ее прыжок с башни в обнимку с Перисом. Тэлли слушала сообщения с закрытыми глазами и купалась в приглушенном шуме толпы. Она была просто счастлива: надо же, друзья помнили о ней, хотя она покинула вечеринку очень рано. Вот что значит быть полноправным членом группировки – друзья остаются с тобой, что бы ты ни натворил.

Зейн оставил целых три сообщения и в последнем спрашивал, не хочет ли она с ним позавтракать. Голос у него был не такой пьяный, как у остальных, так что Тэлли подумала, что он, возможно, уже проснулся.

Когда она вызвала Зейна, тот сразу откликнулся.

– Как ты?

– Я потеряла лицо, – пошутила Тэлли. – Перис рассказал тебе, как я стукнулась головой?

– Да. У тебя правда кровь шла?

– Еще как.

– Надо же... – Тэлли слышала взволнованное дыхание Зейна. Его всегдашняя невозмутимость дала трещину. – А прыжок был что надо. Рад, что ты не... ну, что ты не погибла.

Тэлли улыбнулась.

– Спасибо.

– Слушай, а ты читала эту прелесть насчет бала?

Среди сообщений, поступивших Тэлли, было одно новостное, но у нее не было настроения его читать.

– Что за прелесть?

– Вчера кто-то взломал почтовый сервер и разослал новые приглашения, в которых было сказано, что явиться надо в маскарадных костюмах. Каждый из организаторов бала в особняке Валентино подумал на своих соседей и не стал поднимать шум. Но никто не знает, кто на самом деле написал это приглашение. Обалдеть, да?

Тэлли изумленно заморгала. У нее вдруг сильно закружилась голова. Вот уж точно – обалдеть. Мир завертелся вокруг нее, ощущение было такое, будто она оказалась в желудке пьяного великана. Взломом почтовых серверов занимаются только уродцы. И только одному уродцу позарез нужно было превратить вечеринку в особняке Валентино в бал-маскарад – Крою с его маской хищного красавца и загадочными предложениями. А значит, вся эта история закрутилась из-за Тэлли Янгблад.

– Просто жуть какая-то, Зейн.

– Во-во. Ты есть хочешь?

Тэлли кивнула, и голова тут же отозвалась на резкое движение вспышкой боли. За окном вздымались в небо бальные башни особняка Гарбо, высокие и стройные. Тэлли уставилась на них в надежде, что от этого мир перестанет вращаться.

«Я, наверное, преувеличиваю, – с тоской думала она. – Не может быть, чтобы все это было из-за меня. Наверное, просто какие-то уродцы безобразничают или у кого-нибудь из хозяев вечеринки у Валентино крыша поехала». Но если все это

лишь случайность, каким образом Крой успел к этой случайности подготовиться и запастись костюмом для маскарада? Ведь в Ржавых руинах, как и в глубокой глуши, где прятались дымники, окон доставки, откуда как по волшебству появляется все что хочешь, нет. Там все нужно делать своими руками, а это требует времени и усилий. И Крой почему-то выбрал именно этот костюм... Тэлли вспомнила холодные стеклянные глаза маски, и ей стало дурно.

«Пожалуй, надо поесть, – решила она. – Может, тогда станет лучше».

– Да, ужасно хочу, – ответила она на вопрос Зейна. – Давай позавтракаем.

Они встретились в Дензел-парке[5 - Скорее всего, этот парк назван в честь актера-афроамериканца Дензела Вашингтона, дважды получавшего премию «Оскар».] – увеселительном саду, тянувшемся извилистой полосой от центра Нью-Красотауна до особняка Валентино. Сам особняк прятался за деревьями, но башня-ретранслятор на крыше была хорошо видна. Старомодный флаг «валентиновцев» развевался на холодном ветру. В парке уже успели ликвидировать почти все последствия вчерашней вечеринки – только на траве чернело несколько кругов, оставшихся после костров, которые жгли «гуляки». Над одним кострищем хлопотал робот-уборщик, аккуратными движениями механических лап перекапывая землю и бросая в нее семена.

Когда Зейн предложил устроить пикник, брови Тэлли удивленно дернулись вверх и она ойкнула от боли – ссадина еще не зажила. Но после прогулки на свежем воздухе головная боль немного поутихла. Таблетки, которыми снабдили Тэлли надзиратели, отчасти ослабили боль от ушиба, но и только. В Нью-Красотауне ходили слухи, будто врачи знают, как снимать похмелье, но из принципа держат в тайне секрет исцеления.

Зейн пришел вовремя. Позади него парил покачиваемый ветерком контейнер с завтраком. Подойдя ближе к Тэлли, Зейн разглядел ее ссадину, потрясенно вытаращил глаза и даже машинально протянул руку, чтобы потрогать, но сразу спохватился.

– Кошмар, правда? – вздохнула Тэлли.

– Ты чего! Да у тебя с ней вид как у завзятой преступницы!

– Но на кучу милли-елен не тянет, верно?

– Я бы не стал оценивать это в еленах, – ответил Зейн, подумав. – Тут нужна какая-то другая единица, только пока не знаю какая. Покруче елены.

Тэлли улыбнулась. Перис оказался прав, посоветовав ей не спешить возвращать лицу нормальный вид. Любуясь ее ссадиной, Зейн казался особенно красивым, и глядя на него, Тэлли испытывала щемящее чувство. Она словно стала центром мироздания, у нее даже голова перестала кружиться.

Временная пластика лица, которую Зейн сделал себе под вчерашний костюм, уже «выдохлась», его губы снова стали нормальными, чуть припухлыми, как полагается. И все-таки при свете дня особенно бросалась в глаза резкость черт его лица, состоявшего из сплошных контрастов: подбородок и скулы острые, лоб высокий. Кожа Зейна имела, как у всех, оливковый оттенок, но на солнце, в сочетании с черными волосами, выглядела бледной. В инструкциях по операциям черные как смоль волосы запрещались – считались крайностью, но Зейн красил волосы чернилами для каллиграфии. Кроме того, он мало ел, чтобы щеки у него были впалыми, а взгляд – пронзительным. Из всех красавцев, с которыми Тэлли познакомилась после операции, только Зейн выглядел ничуть не похожим на остальных.

Может быть, именно поэтому он был главным «кримом». Ведь тот, кто ничем не выделяется, не может казаться по-настоящему преступным типом.

Сверкая золотыми глазами, Зейн огляделся по сторонам, ища, где бы присесть, и выбрал место в тени у корней старого развесистого дуба. Они уселись на усыпанную листьями траву. Воздух был наполнен ароматами росы и влажной земли. Контейнер с завтраком опустился на траву между Тэлли и Зейном. Девушка почувствовала тепло, исходящее от секций с яичницей и булочками. Тэлли положила себе на подогретую тарелку яичницу, сыр и несколько кусочков авокадо и откусила половинку маленькой булочки. Посмотрела на Зейна – тот взял себе только чашку кофе. «Наверное, не стоит накидываться на еду, словно оголодавшая свинья, – смущенно подумала Тэлли. – Вдруг он сочтет это дурным тоном?». Но с другой стороны – какая разница? «Я теперь “крим”, – напомнила она себе. – За меня все проголосовали, я полноправный участник группировки. И Зейн сам позвал меня сюда, захотел со мной поболтать. Пора перестать психовать и начать радоваться жизни. Есть вещи похуже того, чтобы сидеть в

чудесном парке рядом с красивым парнем, который с тебя глаз не сводит».

Тэлли доела булочку, внутри которой оказалась горячая шоколадная начинка, и принялась за яичницу, надеясь, что в контейнере с завтраком найдутся пакетики со сжигателем калорий. Это средство действует лучше, если принимать его сразу после еды, а она собиралась поесть плотно. Может быть, это из-за вчерашней потери крови у нее теперь так разыгрался аппетит.

– А что это за парень был на вечеринке? – спросил Зейн.

Тэлли жевала яичницу и только пожала плечами, но Зейн смотрел на нее, ожидая ответа, до тех пор, пока она не смогла говорить.

– Уродец-хулиган, только и всего, – ответила она.

– Я так и понял. За кем бы еще гонялись чрезвычайники? Мне интересно, откуда ты его знаешь. Ведь знаешь же, правда?

Тэлли отвела взгляд. Ей так хотелось забыть о своей уродской жизни, а эта жизнь не желала ее отпускать. Уродство упорно тянулось к ней через разделявшую их реку, засылая в Нью-Красотаун своих лазутчиков. Но Перис слышал, как Тэлли говорила с надзирателями вчера ночью, поэтому лгать Зейну не имело смысла.

– Ну да, вроде как знакомый был тип. Он из Дыма. Парень по имени Крой.

Странная тень пробежала по лицу Зейна, взгляд его золотых глаз устремился вдаль, словно пытаясь разглядеть нечто невидимое.

– Я его тоже знал, – кивнул Зейн. Тэлли замерла, не донеся вилку до рта.

– Шутишь!

Зейн покачал головой.

– Но я думала, что ты не пытался бежать из города, – сказала Тэлли.

– Не пытался. – Зейн обхватил одной рукой колени и отпил глоток кофе. – Я не забирался дальше Ржавых руин. Но мы с Кроем дружили, когда были дошколятами, а потом оказались в одном уродвилльском интернате.

– Да... Забавное совпадение.

Тэлли наконец донесла до рта вилку с очередным куском яичницы и стала медленно его пережевывать. В городе жил целый миллион человек, и надо же такому случиться, чтобы встретились два давних знакомца.

– По-твоему, каковы были шансы на то, что вы случайно столкнетесь?

Зейн снова покачал головой.

– Это не совпадение, Тэлли-ва.

Тэлли перестала жевать. Яичница у нее во рту приобрела странный вкус. Казалось, вот-вот снова закружится голова. В последнее время в ее жизни обнаружился острый дефицит случайностей.

– Что ты имеешь в виду?

Зейн наклонился вперед.

– Тэлли, ты же знаешь, что когда мы были уродцами, Шэй жила в одном интернате со мной?

– Конечно, знаю, – кивнула Тэлли. – Поэтому она сразу вошла в вашу компанию, как только появилась здесь.

Она задумалась. Постепенно смысл слов Кроя начал до нее доходить. Воспоминания о Дыме всегда возвращались к ней с трудом – будто пузыри поднимались на поверхность какой-то густой, вязкой жидкости.

– В Дыме Шэй познакомила меня с Кроем, – осторожно сказала она. – Они были старыми друзьями. Значит, вы все трое были знакомы?

– Ну да, были, – Зейн скривился, будто ему в кофе попало что-то гадкое.

Тэлли с тоской уставилась на свою еду. Зейн продолжал говорить, а она словно бы вернулась во вчерашний день и все неприятности прошедшего лета начали с болью прокручиваться в ее голове.

– Нас было шестеро уродцев, – сказал Зейн. – Мы еще тогда называли себя «кримами». Хулиганили, как все уродцы: вылезали по ночам из окон, обманывая майндеры интернатов, перебирались через реку и подглядывали за красотками и красавчиками.

Тэлли кивнула, вспоминая рассказы Шэй.

– И на Ржавые руины летали?

– Летали, кто-то из уродцев постарше показал нам дорогу. – Зейн перевел взгляд на холм в центре Нью-Красотауна. – Оказавшись там, понимаешь, как на самом деле велик мир. Ведь в этом древнем городе жило двадцать миллионов ржавников. По сравнению с ним наш город просто крошечный.

Тэлли зажмурилась и положила вилку на тарелку. Аппетит пропал начисто. Зря она, наверное, согласилась позавтракать с Зейном после минувшей бурной ночи. Он, казалось, порой ощущал себя уродцем и при этом задира л нос, словно брезговал веселой и беззаботной жизнью красивого человека. Конечно, поэтому из него и получился такой потрясающий заводила «кримов». Но общаться с ним один на один... так и свихнуться недолго.

– Да, но... все ржавники погибли, – негромко проговорила Тэлли. – Их было слишком много, и они были ужасно глупые.

– Знаю, знаю. «Они чуть было не уничтожили весь мир», – процитировал Зейн и вздохнул. – Но ничего более волнующего, чем полеты на Ржавые руины, в моей жизни не было.

Глаза Зейна при этих словах сверкнули, и Тэлли вспомнила собственные вылазки на руины. Вспомнила, как напрягался каждый нерв при виде пустынного величия города-призрака. Там, в руинах, возникало ощущение реальной опасности, так

не похожее на безобидное волнение при полете на воздушном шаре или прыжке с высоты в спасательной куртке.

Тэлли поежилась, ощутив отголоски былых переживаний, и встретила взглядом с Зейном.

– Я тебя понимаю.

– И я знал, что никогда не отправлюсь туда после операции. Похорошевшим ничего такого не позволено. И когда оставалось уже совсем немного времени до моего шестнадцатилетия, я стал задумываться о том, чтобы убежать из города и пожить на лоне природы. Хотя бы какое-то время.

Тэлли медленно кивнула. Она помнила, что примерно о том же говорила Шэй, когда они только-только познакомились. С этих слов для Тэлли началась дорога в Дым.

– И ты уговорил Шэй, Кроя и других ребят уйти из города?

– Я пытался. – Зейн усмехнулся. – Сначала они решили, что я сбрендил, потому что жить вне города невозможно. А потом мы встретили одного парня, который...

– погоди! – прервала его Тэлли.

Ее сердце вдруг забилось часто-часто, как бывает, когда от приема сжигателя калорий ускоряется обмен веществ. Она ощутила влагу на лице, и ветер внезапно показался холоднее. Щеки стали мокрыми, хотя у красоток не должен выступать пот...

Тэлли часто заморгала и с такой силой сжала кулаки, что ногти впились в ладони. Мир странным образом изменился. Лучи солнца пронизывали листву и были похожи на сверкающие лезвия. Тэлли старалась дышать глубоко и медленно. Она вспомнила: такое же ощущение нахлынуло на нее вчера при виде лица Кроя.

– Тэлли? – негромко окликнул Зейн.

Она покачала головой. Ей не хотелось, чтобы он говорил. Чтобы рассказывал о встрече с кем-то среди Ржавых руин. И чтобы не дать Зейну вставить хоть слово, она затараторила, повторяя то, о чем ей когда-то рассказывала Шэй:

– Вы узнали про Дым, да? Про место, где люди живут как в седой древности, даже до эпохи ржавников, и всю жизнь остаются уродцами. Но когда настало время бежать, большинство из вас струсило. Шэй рассказывала мне про ту ночь – она уже и вещи уложила, но в конце концов ей стало страшно и она не решилась уйти.

Зейн кивнул, не отрывая глаз от своей чашки с кофе.

– Ты был одним из тех, кто передумал, да? – спросила Тэлли. – Ты тоже собирался, но не смог пуститься в бега?

– Да, – сдавленно выговорил Зейн. – Я не пошел с остальными, хотя побег был моей идеей. И стал красавцем, как только мне исполнилось шестнадцать.

Тэлли отвела взгляд. Она не могла заставить себя забыть о том, что произошло тем летом. Все друзья Шэй либо бежали в Дым, либо переехали в Нью-Красотаун, а она осталась одна-одинешенька в Уродвилле. Тогда-то Шэй и познакомилась с Тэлли и они стали закадычными подружками. А после того как Шэй со второй попытки все же сбежала из города, Тэлли затянуло в водоворот жутких событий...

Тэлли велела себе успокоиться и постаралась выровнять дыхание. Да, осень выдалась та еще, но нет худа без добра. Зато теперь она, Тэлли, – полноправный «крим», а не жалкая красотулька, мечтающая попасть хоть в какую-нибудь компашку. Может, даже стоило пройти через всю эту заварушку, чтобы оказаться здесь красивой и популярной.

Тэлли посмотрела на Зейна. Взгляд его прекрасных глаз все еще был устремлен на недопитый кофе. Она немного успокоилась и улыбнулась. У него был такой трагичный вид – он сидел на траве, ссутулившись и отчаянно вздернув брови. Он все еще сожалел о том, что струсил, когда не решился рвануть в Дым. Тэлли потянулась к Зейну и взяла его за руку.

– Эй, ты ничего особенного не упустил. Подумаешь, ну на солнце мы там обгорали да мошкара нас ела с аппетитом. И только-то.

Зейн посмотрел на нее.

– Ты хотя бы рискнула, Тэлли. Тебе хватило храбрости отправиться туда. И теперь ты все это знаешь на собственном опыте.

– На самом деле у меня не было выбора. Я должна была разыскать Шэй. – Тэлли поежилась и убрала руку. – Мне просто повезло, что я вернулась.

Зейн подвинулся ближе к ней, протянул руку и нежно дотронулся кончиками пальцев до ссадины на лбу, покрытой заживляющим спреем. Широко раскрыв золотые глаза, он проговорил:

– Я так рад, что ты вернулась.

Тэлли улыбнулась и провела рукой по тыльной стороне его ладони.

– Я тоже.

Пальцы Зейна скользнули в ее волосы, он бережно притянул ее к себе. Тэлли закрыла глаза. Его губы прижались к ее губам, она прикоснулась рукой к гладкой, безупречной коже его щеки...

Сердце Тэлли снова забилося учащенно. Она разжала губы, а ее мысли отчаянно металась. Мир вокруг снова закружился, только теперь это было здорово и вовсе не хотелось, чтобы он остановился...

Когда Тэлли попала в Нью-Красотаун, Перис предупредил ее насчет секса. Свежеиспеченные красотки были готовы броситься в объятия первого встречного. Не сразу новенькие привыкали к тому, что их со всех сторон окружают чудесные, идеальные люди, что все смотрят на них громадными сияющими глазами. Когда все вокруг красивы, легко влюбиться по уши в первого же, с кем поцелуешься.

Но может быть, пришла пора. Тэлли уже месяц жила в Нью-Красотауне, а Зейн был особенный. Не только потому, что он возглавлял «кримов» и выделялся внешне, а потому, что старался держаться независимо и круто и был не прочь нарушить правила. Почему-то из-за этого он казался Тэлли даже красивее других.

Кроме того, из всех неожиданных поворотов судьбы за последние двадцать четыре часа этот оказался самым приятным. От поцелуя Зейна у Тэлли голова пошла кругом. Его губы были теплыми, мягкими, прекрасными, и Тэлли чувствовала себя защищенной.

После долгих мгновений блаженства они немного отстранились друг от друга. Тэлли так и не открыла глаза. Она чувствовала на лице его дыхание, чувствовала прикосновение его теплой руки к своей шее.

- Дэвид... - прошептала она.

Просветленность

Зейн резко отодвинулся и прищурился.

- Ой, прости, - пробормотала Тэлли. - Сама не знаю, что это на меня вдруг нашло...

Она осеклась, а Зейн медленно кивнул.

- Нет-нет, все нормально.

- Я не хотела... - опять начала было Тэлли, но Зейн махнул рукой, чтобы она перестала.

Его красивое лицо выражало глубокую задумчивость. Уставившись в землю, он принялся срывать травинки и вертеть их, зажав двумя пальцами.

- Теперь вспомнил, - сказал он наконец.

- Что вспомнил?

- Как его звали.

- Кого?

Негромко и спокойно, словно боясь разбудить кого-то, кто спал поблизости, Зейн ответил:

- Того парня, который должен был отвести нас в Дым. Дэвид.

Тэлли, не сдержавшись, тихо ахнула и зажмурилась, словно солнце вдруг засветило ярче. Она все еще ощущала вкус поцелуя Зейна, тепло его рук, но вдруг ей стало зябко.

Она взяла Зейна за руку.

- Я не хотела этого говорить.

- Понимаю. Но порой что-то само приходит на ум. - Он отвел взгляд от травы, его золотые глаза сверкнули. - Расскажи мне о Дэвиде.

Тэлли сглотнула подступивший к горлу ком и отвернулась.

Дэвид... Она так ярко представляла его теперь. Смешной большой нос, слишком высокий лоб. Самодельные ботинки, куртка, сшитая из шкурок убитых зверей. Дэвид вырос в Дыме, он за всю свою жизнь ни разу не бывал в городе. Его лицо было уродливым сверху донизу, кожу покрывал неровный загар, бровь рассекал белый шрам... Но стоило о нем вспомнить, как сердце затрепетало.

Тэлли в изумлении покачала головой. Все это время она ни разу не вспомнила о Дэвиде. Как это она ухитрилась?

- Ты с ним встречалась в Ржавых руинах, да? - не отступался Зейн.

– Нет, – ответила Тэлли. – Я слышала о нем от Шэй. Она как-то раз при мне пыталась сигналить ему фальшфейером, но тогда он так и не появился. А потом он отвел Шэй в Дым.

– И меня должен был отвести, – со вздохом проговорил Зейн. – А ты до Дыма добралась сама?

– Да. Но когда я там жила, мы с ним...

Тэлли вдруг все вспомнила. Ей казалось, что это было миллион лет назад, и все же она ясно видела себя, еще уродливую, целующуюся с Дэвидом на окраине Дыма. И как потом они несколько недель странствовали с ним по диким краям... Воспоминания нахлынули щемящей волной. Как остро она воспринимала жизнь, находясь рядом с ним! И была уверена, что так будет всегда...

А потом Дэвид вдруг исчез.

– Где он сейчас? – спросил Зейн. – Чрезвычайники задержали его, когда захватили Дым?

Тэлли покачала головой. Воспоминания о Дэвиде стали разрозненными и тусклыми, а мгновение их расставания попросту стерлось из памяти.

– Я не знаю.

Тэлли стало плохо. Уже в сотый раз за день она почувствовала, что вот-вот упадет в обморок. Она потянулась к контейнеру с завтраком, но Зейн взял ее за руку.

– Нет, не ешь.

– Почему?

– Не ешь больше ничего, Тэлли. Лучше прими парочку... – Он вытащил из кармана упаковку сжигателя калорий. Четыре таблетки уже были использованы. – Когда сердце бьется часто – это полезно.

С этими словами он взял из упаковки еще две таблетки и запил их глотком кофе.

– Полезно для чего? – непонимающе спросила Тэлли. Зейн постучал пальцем по лбу.

– Думать. От голода лучше соображаешь. И от волнения тоже, кстати. – Он усмехнулся и положил упаковку на ладонь Тэлли. – Например, когда целуешься с кем-то в первый раз. Это просто потрясающе просветляет.

Тэлли обескураженно взглянула на таблетки. Блестящая фольга так сверкала на солнце, что на нее больно было смотреть. Края упаковки казались острыми, как бритва.

– Да ведь я почти ничего не съела. От такого не растолстеешь.

– Дело не в том, чтобы беречь фигуру. Мне нужно поговорить с тобой, Тэлли. Ты мне нужна. Я так давно ждал кого-то вроде тебя. Я хочу, чтобы ты была просветленная.

– Хочешь сказать, что сжигатель калорий дает это твое просветление?

– Способствует. Потом объясню. Пока просто поверь мне, Тэлли-ва.

Он не сводил с нее глаз. Сейчас они блестели почти лихорадочно, как у безумца. Таким становился его взгляд всякий раз, когда Зейн объяснял «кримам» какую-нибудь свою хулиганскую затею. Противостоять этому взгляду было почти невозможно, хотелось немедленно согласиться, даже если Зейн предлагал сущее безумие.

– Ну... ладно. Кажется, я поняла, о чем ты...

Дрожащими пальцами Тэлли выдавила из блистера две таблетки и сунула в рот, но сразу проглотить не решилась. Такие препараты не следовало принимать на голодный желудок. Считалось, что это опасно. Во времена ржавников, когда все были уродами и Операцию Красоты еще не придумали, существовала такая болезнь, при которой люди нарочно переставали есть. Они настолько боялись растолстеть, что добровольно морили себя голодом и превращались в ходячие

скелеты, а то и вовсе погибали – это при том, что в мире было полным-полно еды.

Операция Красоты помогла спасти человечество и от этой напасти тоже.

«Ничего, от пары таблеток я не умру», – решила Тэлли. Зейн протянул ей чашку с кофе, Тэлли запила таблетки и поморщилась. Кофе показался ей кисловатым.

– Что, слишком крепкий? – с усмешкой спросил Зейн. Через несколько секунд сердце Тэлли забилось чаще, обмен веществ ускорился. Все вокруг стало очень резким и отчетливым. Как прошлой ночью, она почувствовала, будто исчезла тонкая пленка, отделяющая ее от мира. Солнце засияло еще ярче, и Тэлли зажмурилась.

– Итак, – произнес Зейн. – Что последнее ты помнишь о Дэвиде?

Тэлли постаралась унять дрожь в руках и принялась обыскивать кладовые своей памяти, словно бродя в тумане, затянувшем воспоминания из тех времен, когда она была уродкой.

– Мы все были на Ржавых руинах, – сказала она. – Помнишь рассказ Шэй про то, как мы ее выкрали?

Зейн согласно кивнул, хотя Шэй рассказывала эту историю не один раз – и всегда по-разному. В некоторых версиях этой истории Тэлли и другие дымники похитили Шэй прямо из логова чрезвычайников. По другой версии сама Шэй ушла из города, чтобы спасти Тэлли от дымников, и потом они вдвоем бежали в город. Конечно, не только Шэй порой переиначивала свои истории. «Кримы» всегда повествовали о старых добрых деньках с большим преувеличением, поскольку главным было, чтобы рассказ получился покруче. Но Тэлли чувствовала, что Зейну нужна правда.

– Чрезвычайники разрушили Дым, – продолжала она. – Но несколько человек, и я в их числе, удрали и потом некоторое время прятались в Ржавых руинах.

– Новый Дым. Так вас называли уродцы.

– Верно. Но ты откуда об этом знаешь? Разве ты тогда уже не стал красавцем?

Зейн усмехнулся.

– Неужели ты думаешь, что ты первая свежее испеченная красotka, рассказывающая мне свою историю, Тэлли-ва?

– Ох...

Тэлли вспомнила о недавнем поцелуе.

«Интересно, – подумала она, – сколько раз Зейн использовал поцелуи, чтобы пробудить у девушек воспоминания об уродских деньках?».

– Но почему ты вернулась в город? – спросил Зейн. – Только не говори, что тебя и вправду спасла Шэй.

Тэлли покачала головой.

– Я так не думаю.

– Тебя поймали чрезвычайники? И Дэвида они тоже поймали?

– Нет, – уверенно сказала она.

Какими бы спутанными ни были ее воспоминания, она точно знала, что Дэвид по-прежнему жив. Она ярко представляла себе его, прячущегося среди развалин.

– Объясни мне, Тэлли, почему ты вернулась сюда и сдалась?

Зейн крепко сжал ее руку, ожидая ответа. Он снова подвинулся ближе, его золотые глаза сверкали в усыпанной пятнышками солнечного света тени под деревом, он ловил каждое слово Тэлли. Но воспоминания почему-то не приходили. Пытаясь вытащить из памяти хоть что-нибудь о тех днях, она словно упиралась в глухую стену.

Покусывая губы, она проговорила:

- Почему же я не могу вспомнить? Что со мной не так, Зейн?

- Неплохой вопрос. Но что бы это ни было, это происходит со всеми нами.

- С кем? С «кримами»?

Он покачал головой и перевел взгляд на бальные башни, возвышавшиеся чуть в стороне.

- Не только. Со всеми. По крайней мере со всеми теми, кто живет здесь, в Нью-Красотауне. В большинстве случаев они вообще не желают вспоминать о том времени, когда были уродцами. Говорят - и слышать не хотим обо всей этой ребячьей чепухе.

Тэлли кивнула. Это она в Нью-Красотауне сразу заметила - за пределами группировки «кримов» беседы об уродских годах считались дурным тоном.

- Но если все же удастся кого-то разговорить, оказывается, что они чаще всего просто-напросто не могут ничего вспомнить.

Тэлли нахмурилась.

- Но мы-то, «кримы», то и дело болтаем о старых добрых временах.

- Мы только тем и занимались, что вытворяли что-нибудь запретное, - сказал Зейн. - Поэтому у нас в головах сохранились яркие картинки. Но чтобы они не исчезли, нужно постоянно пересказывать свои истории, слушать друг друга и нарушать правила. Нужно сохранять просветленность, иначе постепенно забудешь все. Навсегда.

Тэлли поймала напряженный взгляд Зейна и вдруг кое-что поняла.

- Значит, для этого «кримы» и существуют?

Зейн кивнул.

– Верно, Тэлли. Чтобы не забывать, чтобы помочь мне понять, что с нами не так.

– А как ты... Почему ты так не похож на остальных?

– Еще один неплохой вопрос. Может быть, я таким родился, а может, все дело в том, что в ту ночь прошлой весной, когда я струсил и не ушел из города, я дал себе клятву: настанет день, и я уйду – красавцем или уродом, все равно. – Последние слова Зейн произнес совсем тихо. А потом добавил сквозь зубы: – Просто все оказалось намного труднее, чем я думал. Какое-то время была такая скука, что я начал кое-что забывать. – Он вдруг просиял. – А потом появилась ты со своими потрясающими историями, в которые так трудно поверить. И теперь все просто отлично.

– Да, вроде бы. – Тэлли посмотрела на свою руку в руке Зейна. – Можно еще один вопрос, Зейн-ла?

– Конечно. – Он улыбнулся. – Мне нравятся твои вопросы.

Тэлли отвела взгляд и немного смущенно проговорила:

– Когда ты меня поцеловал, ты это сделал только для того, чтобы меня разговорить? Чтобы я лучше вспоминала? Или...

Она умолкла и взволнованно заглянула в его глаза. Зейн усмехнулся.

– А ты как думаешь?

Но ответить он ей не дал. Он обнял ее за плечи, притянул к себе. На этот раз поцелуй длился дольше. Тепло губ Зейна, уверенная сила его рук, вкус кофе и запах его волос...

Наконец они оторвались друг от друга и Тэлли запрокинула голову, тяжело дыша. Во время поцелуя ей так не хватало кислорода. Но зато ее сердце снова забилося чаще – намного чаще, чем после таблеток для сжигания жира и даже во время прыжка с башни прошлой ночью. Она вдруг вспомнила еще кое-что, о

чем следовало сказать раньше, но она почему-то не сказала. Это должно было жутко порадовать Зейна.

- Вчера ночью, - выпалила Тэлли, - Крой сообщил мне, что у них для меня что-то есть, но не сказал, что именно. Он собирался оставить это здесь, в Нью-Красотауне, и спрятать так, чтобы надзиратели не нашли.

- Что-то из Нового Дыма? - широко раскрыв глаза, проговорил Зейн. - Где?

- Валентино, триста семнадцать.

Валентино, 317

- Секундочку, - сказал Зейн, быстро снял интерфейсные кольца с пальца Тэлли и свое и повел ее в глубь сада. - Лучше от колечек избавиться, - объяснил он. - Не хочу, чтобы за нами следили.

- Ой, конечно. - Тэлли вспомнила, как в прежние времена легко и просто удавалось обдурить майндеры в интернатах. - Надзиратели вчера ночью... Они сказали, что будут приглядывать за мной.

Зейн хмыкнул.

- За мной они приглядывают всегда.

С этими словами он нацепил колечки на два высоких листа осоки, и стебли склонились от тяжести.

- Ветер будет их время от времени покачивать, и создастся такое впечатление, будто мы их и не снимали, - пояснил Зейн.

- Но разве это не будет выглядеть странно? То, что мы так долго остаемся на одном и том же месте?

– Это же увеселительный сад. Тут многие доставляют друг другу удовольствие, – рассмеялся Зейн. – Я здесь не раз бывал.

Тэлли эти его слова совсем не понравились, однако она не подала виду.

А как мы потом разыщем колечки?

– Я знаю это место. Перестань волноваться.

– Прости.

Зейн обернулся и рассмеялся.

– Тебе не за что просить прощения. Я уже давно так здорово не завтракал!

Оставив колечки в траве, они отправились к реке и дальше к особняку Валентино. Тэлли шла и гадала, что же они могут обнаружить в комнате триста семнадцать. В большинстве особняков у каждой комнаты имелось собственное имя. Комната Тэлли в особняке Комачи называлась «Ипрочее», комната Шэй – «Синеенебо», но особняк Валентино был настолько стар, что его комнаты были попросту пронумерованы. «Валентиновцы» всегда были помешаны на такой чепухе – сохраняли древние традиции своего дряхлеющего дома.

– Хорошее местечко выбрали твои друзья, чтобы что-то спрятать, – отметил Зейн, когда они с Тэлли уже были недалеко от раскинувшегося на берегу реки особняка. – Легче сохранить тайну там, где стены не разговаривают.

– Может быть, поэтому Крой и его приятели и «взломали» именно бал в особняке Валентино, а не где-то еще, – предположила Тэлли.

– Вот только я им все подпортил, – сказал Зейн.

– Как это? – удивилась Тэлли.

– Мы все пришли в этот каменный дом, но вас найти не смогли, и тогда я сказал, что надо подняться на новую бальную башню и поискать вас с помощью умных стен.

– И мы так же сделали, – кивнула Тэлли.

Зейн покачал головой.

– Ну вот. А если бы мы все остались в Валентино, чрезвычайники бы не засекали Кроя так быстро и у него было бы время поговорить с тобой.

– Значит, они могут подслушивать через стены?

– Конечно. – Зейн усмехнулся. – Догадываешься, почему я предложил устроить пикник в такой жутко холодный день?

Тэлли понимающе кивнула и задумалась. Городской интерфейс доставлял сообщения, отвечал на вопросы, напоминал о назначенных встречах, даже включал и выключал свет в комнатах. Если бы Комиссия по чрезвычайным обстоятельствам захотела учинить за тобой слежку, им было бы известно все, что ты делаешь, и половина того, о чем ты думаешь. Она вспомнила, как разговаривала с Кроем на лестнице в бальной башне. Интерфейсное кольцо было у нее на пальце, и стены ловили каждое слово...

– Они за всеми следят?

– Нет, за всеми им не уследить, да большинство красавцев и не дает повода. Но к некоторым из нас отношение особое. Я бы сказал, чрезвычайное отношение.

Тэлли негромко выругалась. Вчера ночью чрезвычайники появились так быстро! Ей удалось поговорить с Кроем всего несколько минут, а эти гады как будто ждали где-то рядом. Может, они уже знали о том, что на бал проникли посторонние? А может, и вообще не выпускали Тэлли Янгблад из виду... Она взглянула на деревья. Они покачивались на ветру, и Тэлли представилось, как среди колышущихся теней снуют серые силуэты.

– Не думаю, что ночью все так вышло из-за тебя, Зейн. Это я виновата.

– В каком смысле?

– Я всегда во всем виновата.

– Глупости, Тэлли, – тихо проговорил Зейн. – Нет ничего плохого в том, чтобы быть особенной.

Он замолчал, и они прошли под аркой главного входа особняка Валентино. Внутри каменных стен стояла гробовая тишина.

– Когда мы уходили, бал еще продолжался, – прошептал Зейн. – Так что, наверное, все только-только улеглись спать.

Тэлли кивнула. Роботы-уборщики еще не взялись за работу, и коридоры были усеяны обрывками маскарадных костюмов. Приторно пахло пролитыми напитками, подошвы липли к полу. Блеск бала остался в прошлом. Так хмель наутро превращается в похмелье.

Без интерфейсного колечка Тэлли чувствовала себя беззащитной. К ней возвращались воспоминания о том, как она, девочка-уродка, перебиралась через реку, как ей было страшно, что ее поймут. Но страх помогал оставаться на взводе, обострял чувства: Тэлли слышала шелест мусора в далеких коридорах и отличала изюмный запах пролитого шампанского от кислой вони пива. В особняке стояла тишина, слышны были только шаги Тэлли и Зейна.

– В триста семнадцатой комнате сейчас наверняка все спят, – прошептала Тэлли.

– А мы их разбудим, – тихо проговорил Зейн, сверкая глазами в полумраке.

На первом этаже располагались комнаты с трехзначными номерами, начинающимися с единицы, поэтому Тэлли и Зейн стали искать лестницу или лифт. В одном месте к старинному особняку пристроили новые современные лифты, но для парочки «кримов» без интерфейсных колец двери кабины не открылись бы. Зейн и Тэлли поднялись на третий этаж по каменной лестнице и оказались прямо напротив комнаты с номером 301. Они пошли по коридору. Номера комнат росли – по одной стороне четные, по другой нечетные. Напротив комнаты 315 Зейн крепко сжал руку Тэлли.

Но на следующей двери красовалась табличка с номером 319.

Зейн и Тэлли вернулись назад и прошли вдоль противоположной стены коридора. Здесь они обнаружили комнаты с номерами 316, 318 и 320. Пройдя по всему этажу, они нашли комнаты с номерами от триста двадцатого до триста тридцатого и дальше, как четные, так и нечетные, но комнаты под номером 317 они так и не нашли.

- Потрясающая загадка, - усмехнулся Зейн. Тэлли вздохнула.

- Может быть, он просто пошутил?

- Думаешь, новодымники стали бы рассылать по всему городу поддельные приглашения, перебираться через реку и вламываться на бал только ради того, чтобы мы потом напрасно потратили время?

- Да, вряд ли, - согласилась Тэлли, но почувствовала, что искорка, вспыхнувшая в ее сердце, начала угасать. Она поймала себя на мысли, что сильно сомневается, стоило ли вообще затевать эту экспедицию, эти поиски некой грандиозной тайны, спрятанной какими-то уродцами. На самом деле являться без приглашения в чужой особняк было как-то не принято. Их могли и не понять.

- Как думаешь, завтрак еще не остыл? - спросила она.

- Тэлли... - Зейн устремил на нее пронзительный взгляд, дрожащими руками убрал за уши пряди ее волос. - Останься со мной.

- Я и так здесь, - непонимающе пролепетала она. Зейн шагнул к ней, оказался очень близко.

- Да, но не раскисай, пожалуйста. Сохраняй кураж. Будь просветленной.

Тэлли поцеловала его, и стоило ей прикоснуться губами к его губам, как мир снова обрел резкость и четкость.

Она прогнала мысли о голоде и сказала:

- Хорошо. Как насчет лифта?

– Какого?

Тэлли взяла Зейна за руку и подвела к пространству между комнатами 315 и 319. Двери отделяло друг от друга довольно большое расстояние, и примерно посередине находилась дверь кабины лифта.

– Тут когда-то была комната, – сказала Тэлли.

– Но ее ликвидировали, когда пристраивали лифт. – Зейн рассмеялся. – Ленивые красотульки! Не могут на пару этажей по лестнице подняться!

– Так, может быть, номер триста семнадцать – это теперь лифт?

– Жаль, если так, – ответил Зейн. – Мы не сумеем вызвать лифт без интерфейсных колец.

– Мы могли бы дождаться, пока кто-то другой вызовет кабину, и проскользнуть внутрь.

Зейн обвел взглядом пустой коридор, усыпанный пластиковыми стаканчиками, чашками и обрывками бумажных украшений.

– Не раньше чем через несколько часов, – со вздохом сказал он. – А к тому времени у нас с тобой просветленность пройдет.

– Это точно.

Тэлли снова ощутила сонливость и головокружение, мир перед ее глазами как бы затуманился, желудок жалобно заурчал и воображение очень убедительно нарисовало теплую булочку с шоколадом. Тэлли помотала головой, чтобы прогнать этот образ, и постаралась представить себе чрезвычайника в сером комбинезоне. За прошлую ночь вид человека в сером шелковом костюме прочно запечатлелся в ее сознании. Из-за этого костюма она выбежала на пожарную лестницу за Кроем. Теперь ясно, что Крой не случайно выбрал наряд чрезвычайника. Он хотел проверить, насколько хорошо у нее работает голова. Может быть, теперь настало время для новой проверки, сумеет ли Тэлли Янгблад разгадать эту «потрясающую загадку», как выразился Зейн.

Тэлли пристально посмотрела на дверь кабины лифта. Должен быть какой-то способ проникнуть внутрь... Мучительно медленно к ней стали возвращаться воспоминания. Это случилось в ту пору, когда она еще была уродкой, но не так уж давно. Тэлли вспомнила, как падала в темную шахту лифта. Это была одна из тех историй, которые ее часто просила рассказать Шэй, – история о том, как Тэлли и Дэвид прокрались в логово Комиссии по чрезвычайным обстоятельствам...

– Крыша, – негромко произнесла Тэлли.

– Что?

– Можно пробраться в шахту лифта с крыши. Я это делала.

– Правда?

Вместо ответа Тэлли снова поцеловала Зейна. Она не помнила в точности, как ей удалось пробраться в шахту. Не важно – главное сохранить кураж, и тогда все вспомнится.

– Пошли.

Подняться на крышу оказалось не так-то просто – лестница, по которой они пошли, обрывалась на третьем этаже. Тэлли нахмурилась, от отчаяния ее готовность к приключениям снова померкла. В особняке Комачи подняться на крышу было легче легкого.

– Приплыли, – заключила она. – А что же местные жильцы делают, если начинается пожар?

– Камни не горят, – отозвался Зейн и указал на маленькое окошко в конце коридора. Сквозь витражные стекла падали яркие солнечные лучи. – Вон же выход, – сказал он и стремительно зашагал к окошку.

– Что? Ты собираешься забраться на крышу по наружной стене?

Зейн высунул голову из окна и, посмотрев вниз, присвистнул.

- Высота – лучшее средство для куража.

Тэлли нахмурилась. Такой кураж для нее был, пожалуй, чересчур.

Зейн встал на наружный подоконник и ухватился за верхний край окна. Потом медленно полез вверх, и наконец Тэлли остались видны только его ботинки, стоящие на каменном выступе снаружи. Ее сердце снова забило чаще, она даже почувствовала пульс в кончиках пальцев. Мир снова стал острым, как осколки льда.

Долго-долго ноги Зейна не двигались, потом сместились к краю выступа. Наконец он встал на цыпочки, сохраняя хрупкое равновесие.

- Что ты там делаешь? – спросила Тэлли.

Словно в ответ ботинки Зейна медленно поднялись в воздух. Потом Тэлли услышала звук подошв, шаркающих по камню. Она высунула голову в окошко и посмотрела вверх.

Зейн висел на карнизе, болтая ногами и стараясь найти точку опоры. Но вот он все-таки нащупал ботинком трещину между камнями, уперся, подтянулся на руках, забросил ноги на карниз и исчез из виду.

В следующее мгновение появилось его лицо с улыбкой от уха до уха.

- Давай сюда!

Тэлли опустила голову, сделала глубокий вдох и положила руки на каменный выступ. Камень оказался шершавым и холодным. Из-за сквозняка волосы на руках у Тэлли встали дыбом.

- Главное чтобы просветленность не пропала, – тихо пробормотала Тэлли и, усевшись на подоконник, свесила ноги за окно.

Сидеть на камне было холодно. Она бросила взгляд вниз. До земли было далеко, как и до опавшей листвы и корней деревьев, на которые она упадет. Подул ветер, раскачал ближайшие ветки, и Тэлли отчетливо увидела каждый сук. В ноздри ударил резкий запах сосны.

«Пропадет тут просветленность, как же», – с тоской подумала Тэлли.

Труднее всего было встать. Поднимаясь на ноги, Тэлли ухватилась одной рукой за оконную раму, а другой попыталась нащупать хоть какую-нибудь выбоинку или выступ на наружной стене. Вниз она больше смотреть не решилась. В прохладном камне хватало вмятин и трещин, но за любую из них можно было уцепиться только кончиками пальцев.

Полностью выпрямив ноги, Тэлли на миг замерла. Она чуть-чуть покачивалась на ветру, словно незакрепленная и слишком высокая башня.

– Красотища, правда? – слышался сверху голос Зейна. – Ты, главное, за карниз ухватись.

Тэлли оторвала взгляд от стены прямо перед собой и посмотрела вверх. До края крыши она никак не могла дотянуться.

– Эй, это нечестно. Ты выше меня ростом.

– Нет проблем.

Зейн протянул ей руку.

– А ты точно сможешь меня удержать?

– Перестань, Тэлли-ва. Зачем нужны хирургически укрепленные мышцы, если мы не станем их использовать?

– Использовать для самоубийства? – прошептала Тэлли, но потянулась и ухватилась за руку Зейна.

Новые мышцы оказались сильнее, чем она предполагала. Стоило только ее пальцам сомкнуться вокруг запястья Зейна, как она с легкостью оторвалась от подоконника. Свободной рукой Тэлли ухватилась за край крыши и сумела найти выбоину в стене, чтобы упереться ногой. Тэлли охнула – и в следующее мгновение перекатилась через карниз на крышу. Она распласталась на камнях, таких чудесных, таких надежных, и облегченно расхохоталась.

Зейн улыбнулся.

– Да, я не ошибся.

Тэлли устремила на него вопросительный взгляд.

– Я ждал кого-то вроде тебя.

Красавцы и красотки не краснеют. По крайней мере, они не краснеют как уродцы, но Тэлли, чтобы хоть как-то скрыть смущение, охватившее ее после слов Зейна, пришлось торопливо вскочить на ноги. Выбираясь на крышу через окно, они серьезно рисковали, и от волнения взгляд Зейна стал совсем уж невыносимо пронзительным.

С крыши открывался вид на башни Нью-Красотауна, на зеленые ленты увеселительных садов, сбегающих к холму в центре города. На противоположном берегу реки уже проснулся Уродвилль. На футбольном поле уродцы-новички гоняли черно-белый мяч. Ветер донес яростный свист судьи. Все казалось чересчур отчетливым и близким. Чувства Тэлли по-прежнему были обострены, в памяти еще были живы те мгновения, когда она висела под карнизом, держась за руку Зейна.

Каменная крыша была плоской, над ней возвышались только три вентиляционных короба, высоченная мачта ретранслятора и металлическая будка размером не больше биотуалета в Уродвилле. Тэлли указала на эту будку:

– Она прямо над лифтом.

Они пошли по крыше. На старинной двери будки – покрытом ржавчиной листе металла, какие в изобилии усеивали Ржавые руины, – было неуклюже

нацарапано: ВАЛЕНТИНО, 317.

- Ты молодчина, Тэлли, - с усмешкой проговорил Зейн.

Он рванул дверцу на себя, но та оказалась закрытой на новенькую блестящую цепочку, на которой висел такой же блестящий металлический предмет вроде коробочки. Цепочка с жалобным скрежетом натянулась.

- Гмм...

Тэлли пристально уставилась на механизм, за счет которого цепочка удерживала дверь в закрытом положении.

- Это называется... - изо всех сил напрягая память, проговорила Тэлли. - Кажется, это называется... висячий замок. - Она ощупала пальцами коробочку, пытаясь вспомнить, как действуют замки. - Такие были в Дыме. Их вешали, чтобы уберечь вещи от кражи.

- Блеск! Опять загвоздка, а мы без колец.

Тэлли покачала головой.

- Дымники кольцами не пользуются, Зейн. Чтобы открыть висячий замок, нужен... - Она порылась в памяти в поисках еще одного слова и нашла его: - Тут где-то должен быть ключ.

- Ключ? Это как пароль?

- Нет. Этот ключ - такая маленькая железка. Ее вставляют в замок, поворачивают, и замок открывается.

- А на что он похож, этот ключ?

- На плоский, зазубренный с одного края кусочек стали длиной примерно с палец.

Это описание вызвало у Зейна смех, но все же он начал искать ключ в окрестностях будки.

Тэлли пристально смотрела на дверь. Будка была явно старше замка, на который ее заперли. «Для чего же ею пользовались раньше?» – задумалась Тэлли. Заслонившись от света ладонями, девушка сквозь узкую щель взгляделась во мрак. Ее глаза медленно привыкали к темноте, и вот наконец она различила контуры какого-то устройства.

По всей видимости, это был здоровенный шкив и примитивный механический двигатель, похожий на те, какими пользовались в Дыме. Когда-то здесь на тяжелых цепях вверх и вниз ездила кабина старинного лифта. Эта будка была ужасно старая. Наверное, ее забросили с тех пор, как появились магнитные подъемники, а их изобрели давным-давно. Современные лифты работали по тому же принципу, что скайборды и спасательные куртки, и это было намного безопаснее, чем висеть на цепи... От этой мысли Тэлли зябко поежилась. Значит, когда установили магнитные подъемники, древний механизм оставили ржаветь на крыше.

Тэлли подергала замок, но он держался крепко. Тяжелый и грубый, он выглядел совсем не к месту в Нью-Красотауне. Когда надзиратели хотели, чтобы чего-то не трогали, они просто оснащали вещь датчиком, который предупреждал: от этой вещи лучше держаться подальше. Только новодымникам могло прийти в голову повесить металлический замок.

Крой сказал, чтобы она пришла сюда, значит, где-то должен быть ключ.

- Еще одно дурацкое испытание, – недовольно пробормотала она.

- Что-что? – переспросил Зейн, в поисках ключа забравшийся на крышу будки.

- Тест на сообразительность, – объяснила Тэлли. – Вроде того, как Крой нарядился чрезвычайником или отправил нас на поиски триста семнадцатой комнаты. Ключ наверняка отыскать будет непросто, потому что вся эта затея – испытание. Они нарочно сделали так, чтобы ту вещь, которую Крой для меня оставил, было трудно обнаружить. Дымники хотели, чтобы я нашла их «подарок» только тогда, когда у меня хватит мозгов.

– А может быть, – сказал Зейн, сев на корточки на крыше будки, – они задумали все это для того, чтобы сами поиски прочистили нам мозги. Чтобы к тому времени, как мы обнаружим эту вещь, мы были просветленными, понимаешь?

– Одно из двух, – со вздохом проговорила Тэлли. – А может, и то и другое.

Она все больше раздражалась, а к раздражению примешивалось чувство, что эти испытания никогда не закончатся, что каждая отгадка будет приводить только к загадке другого уровня сложности, как в какой-нибудь глупой компьютерной игре. Может быть, умнее всего было бы плюнуть на все это и пойти позавтракать. Да и зачем ей что-то доказывать этим новодымникам? Они для нее никто. Она красотка, а они уродцы.

Но у Зейна мозг все еще работал на полную.

– Значит, они спрятали ключ где-то там, откуда его очень трудно достать. А что может быть сложнее, чем подняться сюда?

Тэлли обшарила взглядом крышу и уставилась на стройную мачту-ретранслятор. На самом верху на высоте двадцатиэтажного дома развевался на ветру флаг Валентино. При виде его мир снова приобрел ясность и резкость, и Тэлли улыбнулась:

– Забраться вон туда.

Мачта

Мачта-ретранслятор была последним новшеством в особняке Валентино. Сделанная из стали, она была покрыта белым полимером, защищающим металл от ржавчины. Вышка являлась частью системы, следившей за кольцами-интерфейсами жителей города и, по идее, служившей для помощи всем, кто заблудился или получил травму за стенами умного дома.

Белые опоры ретранслятора возвышались над Тэлли и Зейном. Ажурная конструкция напоминала паутину и сверкала на солнце будто фарфоровая. На

первый взгляд казалось, что подняться на вышку несложно, если только не считать того, что она была в пять раз выше особняка Валентино и даже выше бальной башни. Тэлли запрокинула голову, глядя на верхушку мачты, и у нее неприятно засосало под ложечкой.

«Это не от голода», – подумала она.

– Хорошо хоть эту башню не стережет дракон.

Зейн отвел от мачты взволнованный взгляд.

– Что ты сказала?

Тэлли покачала головой.

– Просто сон вспомнила.

– Ты действительно думаешь, что ключ там?

– Боюсь, что так.

– И новодымники забирались на такую высоту?

На Тэлли нахлынули воспоминания.

– Нет. Им проще было подлететь к вершине вышки на скайборде. Скайборды могут летать на такой высоте, лишь бы поблизости находился металл.

– Знаешь, мы могли бы попросить и получить скайборд, – негромко сказал Зейн.

Тэлли удивленно посмотрела на него. Он смущенно пробормотал:

– Но это, конечно, было бы слишком просто, да?

– Точно. А все, что летает, снабжено майндером. Ты знаешь, как отключать систему безопасности скайборда?

– Знал, но забыл.

– Вот и я тоже. Ладно, полезем так.

– Хорошо, – кивнул Зейн. – Но сначала...

Он взял Тэлли за руку, притянул ее к себе, и они снова поцеловались.

Тэлли моргнула и не смогла удержаться от улыбки.

– Для просветленности, да?

Первая половина подъема далась им легко.

Тэлли и Зейн начали одновременно взбираться по противоположным сторонам вышки, без труда находя опору в хитросплетении кабелей и металлических перекладин. Время от времени налетали игривые порывы ветра, отчего у Тэлли замирало сердце. Правда, для того чтобы совладать с собой и сосредоточиться, достаточно было бросить взгляд вниз.

На середине пути вверх Тэлли уже могла видеть весь особняк Валентино целиком, раскинувшиеся во все стороны увеселительные сады и даже аэромобили на крыше главной городской больницы, где уродов делали красавцами. Река сверкала, солнце приближалось к полудню, а на другом берегу, в Уродвилле, Тэлли разглядела прячущийся среди деревьев корпус своего интерната. Несколько уродцев на футбольном поле заметили их с Зейном, указывали на них пальцами и, наверное, гадали, кто же это взбирается на мачту.

«Интересно, – думала Тэлли, – как скоро нас заметят по эту сторону реки? А ведь как только заметят, сразу сообщат надзирателям...».

Благодаря усовершенствованным мышцам Тэлли почти не испытывала трудностей при подъеме, но чем ближе к вершине забирались они с Зейном, тем уже делалась мачта и тем сложнее становилось найти, за что ухватиться, на что

опереться ногой. Пальцы скользили по полимерному покрытию, а кое-где в уголках еще и роса не просохла на солнце. На ажурных перекладинах было закреплено много антенн-тарелок и толстых витых кабелей. В душу Тэлли начало закрадываться сомнение. В самом ли деле ключ надо искать на верхушке ретранслятора? Неужели новодымники хотели, чтобы она рисковала жизнью ради дурацкого испытания? Подниматься становилось все труднее, смотреть вниз – все страшнее.

«И чего меня понесло сюда, на эту высоченную спицу?» – сокрушалась Тэлли.

Прошлой ночью она мечтала только о том, чтобы стать одной из «кримов». Быть красивой и популярной, окруженной компанией новых друзей – вот и все, что ей было нужно от жизни. И она получила что хотела – а вдобавок ее поцеловал Зейн, хотя о таком счастье она и не мечтала.

Конечно, с другой стороны, когда мечты сбываются, это всегда выходит боком. Как выяснилось, быть «кримом» вовсе не означает наслаждаться жизнью, а если хочешь водиться с Зейном, надо быть готовой и жизнью рискнуть, и от завтрака отказаться. Только прошлой ночью за Тэлли проголосовали – и вот пожалуйста, она уже должна снова доказывать, на что способна. И ради чего? Разве ей в самом деле так хочется отпереть старую ржавую будку? Что бы там ни спрятали новодымники, ничего хорошего Тэлли оно не принесет. Только опять голова закружится и опять вспомнятся Дэвид, Дым, все, что она оставила в прошлом. Казалось, едва она делает шаг к новой жизни, что-то сразу тянет ее обратно, к уродским временам.

Погрузившись в эти размышления, Тэлли неудачно поставила ногу. Подошва туфли соскользнула с толстого кабеля, покрытого пластиком, руки оторвались от мокрой от росы распорки. Тэлли полетела вниз, все ее тело наполнило ощущение свободного падения, хорошо знакомое еще с тех времен, когда она соскальзывала со скайборда или прыгала с крыши дома.

Она по привычке расслабилась, но быстро спохватилась, что нынешнее падение имеет одно существенное отличие: сейчас на ней не было ни магнитных браслетов, ни спасательной куртки. На этот раз она падала по-настоящему и не было ничего, что могло подхватить ее и спасти. Но тут сработали ее новообретенные рефлексy. Руки словно по собственной воле рванулись вверх и ухватились за петлю кабеля. Ладони проехали по пластиковой изоляции, кожу обожгло от трения. Тэлли согнула ноги в коленях, развернулась, и удар о вышку

пришелся в бедро. От удара ее здорово потрянуло, но она так и не разжала горящих от боли пальцев.

Тэлли подвигала ногами, пытаясь найти точку опоры. Наконец ступни уперлись в широкую распорку и милосердно приняли на себя большую часть ее веса, дав отдых рукам. Тэлли крепче обхватила кабель. Все мышцы были напряжены, она почти не слышала криков Зейна, доносившихся сверху, и только смотрела на реку и изумлялась тому, что видела.

Все сверкало, словно по всему Уродвиллю кто-то разбросал бриллианты. Разум прояснился, как небо после утреннего дождя, и Тэлли наконец поняла, зачем забралась сюда. Не для того, чтобы произвести впечатление на Зейна или на новодымников, не для того, чтобы пройти нелегкое испытание, а потому, что какая-то часть ее души жаждала этого мгновения, этой ясности, которой она ни разу не ощущала после операции. Это было прекраснее любого куража.

– Ты в порядке? – донесся до нее далекий голос.

Тэлли запрокинула голову и посмотрела на Зейна. Увидев, какое расстояние пролетела, она сглотнула ком, до боли сжавший горло, но все же сумела улыбнуться.

– В полном. Все просто отлично. Подожди, я сейчас.

На этот раз она взбиралась вверх быстрее, не обращая внимания ни на боль в ушибленном бедре, ни на саднящие пальцы, и уже через минуту снова была рядом с Зейном. Его золотые глаза смотрели на нее с такой тревогой, будто он перепугался еще больше, чем она сама.

«А ведь, наверное, так и есть», – подумала Тэлли и снова улыбнулась.

– Продолжаем восхождение! – храбро крикнула она и, подтягиваясь на руках и упираясь ногами, быстро преодолела последние несколько метров. Зейн за ней не поспевал.

На верхушке мачты Тэлли обнаружила черный магнитик, прикрепленный к основанию флагштока, а к магнетику был прилеплен блестящий новенький

ключ. Она осторожно отсоединила ключ от магнита и сунула в карман. У нее над головой развевался и хлопал на ветру флаг Валентино. Ткань похрустывала, как новенькая одежда, полученная из окна доставки.

- Есть! - воскликнула Тэлли и начала проворно спускаться.

Зейн с места не успел двинуться, как она уже миновала его. Он так и прилип к вышке с вытаращенными от изумления глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Лилиан Рассел - американская фотомоделль, популярная в 1890 году. Интересно, что весила она 90 кг.

2

Рудольф Валентино (1895-1926) - американский киноактер. Прославился ролями роковых соблазнительей в немых фильмах 1920-х годов.

3

По всей вероятности, эта единица красоты названа в честь мифической Елены Прекрасной, из-за которой разразилась Троянская война.

4

Ононо Комачи – по легенде, самая красивая женщина Японии, жившая более 1200 лет назад.

5

Скорее всего, этот парк назван в честь актера-афроамериканца Дензела Вашингтона, дважды получавшего премию «Оскар».

Купить: https://tellnovel.com/ru/vesterfel-d_skott/krasavica

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)